

П. МУСЬЯКОВ

ПОДВИГ ТРИДЦАТОЙ БАТАРЕИ

БИБЛИОТЕКА СОЛДАТА И МАТРОСА

П. МУСЬЯКОВ

ПОДВИГ ТРИДЦАТОЙ БАТАРЕИ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1959

Очерк о Тридцатой батарее береговой обороны Черноморского флота повествует о том, как героический гарнизон этой батареи дрался с врагом во время обороны Севастополя в 1941—1942 годах.

По роду своей служебной деятельности автору очерка генерал-майору П. И. Мусьякову довелось бывать на Тридцатой батарее еще в период ее строительства, присутствовать на первой стрельбе. На его глазах росли невыдуманные герои этого очерка — краснофлотцы Иван Андриенко и Иван Подорожный. На протяжении примерно десяти лет автору приходилось не раз встречаться с Г. А. Александром. Автору были знакомы и молодые командиры подразделений лейтенанты Поль, Адамов, Саркисов, Теличко, Репков, связист Пузин и многие другие офицеры, старшины, сержанты и краснофлотцы.

Во время боев за Севастополь П. И. Мусьяков редактировал газету «Красный черноморец», выходившую в осажденном городе до мая 1942 года. Не раз за это время побывал он на батарее.

Очерк в сокращенном виде печатался в газете «Советский флот» (май 1958 года). После публикации автор получил от участников героических событий ряд интересных писем. Они помогли ему значительно дополнить очерк, но и сейчас еще нам не все известно, особенно о последних днях борьбы блокированного гарнизона. Военное издательство и автор надеются, что после опубликования этого очерка будут получены новые отклики от воинов героического гарнизона, оставшегося до конца верным Родине в неравной борьбе с врагами.

С кем, Севастополь,
Тебя сравнить?/
С героями Греции?
Древнего Рима?
Слава твоя —
Что в гранит не
вgranить —
Ни с чем в истории
не сравнима.
С. Алымов.

1. РОЖДЕНИЕ БАТАРЕИ

Зеленый холм дружно вышвырнул наискось к небу четыре огненных меча, окутанных рыжим дымом, и тяжелый звук залпа разнесся эхом по горам и балкам. Десятки людей вскинули к глазам бинокли, направив их в сторону моря, где далеко-далеко, почти на самом горизонте, букашкой полз миноносец, тащивший продолговатый полотняный щит. Долго летели снаряды. Но вот в районе щита выросли четыре белых столба.

— Недолет!..

— А кучность-то какая! Будто в шапку уложил...

Пока гости батареи и члены приемной комиссии обменивались своими впечатлениями, башни, скрытые в зеленом холме, разразились новым залпом. Два высоких всплеска поднялись до щита, два — за ним.

— Накрытие! Со второго залпа. Молодец комбатр!

— Все молодцы! — поправил молодого командующего флотом член Военного совета.

Третий и четвертый залпы — прямые попадания. Пятый снесло стойку щита, и серое полотнище, похожее издали на коробку спичек, вдруг стало треугольным. А снаряды через каждые полминуты летели к щиту, и третья группа наблюдателей, находившихся на эсминце, с радостью и гордостью фиксировала места попаданий. Десятым залпом снесло еще две стойки, и полотно, пробитое снарядами, медленно сползло к основанию щита. Десятый

залп был дан уже туда, где ползли по взлохмаченной воде только бревна щита.

Начальник артиллерии береговой обороны, оторвав потное улыбающееся лицо от окуляров панорамы, сказал:

— Товарищ командующий, люди заслуживают награды, особенно командир.

Кожанов медленно отвел от глаз бинокль и, посмотрев на начальника артиллерии, ответил:

— И вам большое спасибо, ваши ученики на батарее.

Командир дивизиона Петр Алексеевич Моргунов, еще не успокоившийся от пережитого волнения, подошел к Кожанову и доложил:

— Стрельба окончена, третья группа доносит: девять прямых попаданий, из них три в бревна щита.

Комфлот, высокий, стройный и смуглолицый, пошел впереди группы офицеров штаба и приемной комиссии в массив артиллерийских башен и силовых агрегатов. Председатель государственной комиссии по приемке батарей А. А. Руль с мягким акцентом уроженца Прибалтики спокойно и деловито докладывал Кожанову предварительные итоги приемки батарей. Надо наградить прежде всего командира батареи. Хорошо бы именными золотыми часами.

— Деньжонок у нас маловато, Август Андреевич, но все же посмотрим. Заслуживают ребята хорошего поощрения.

Из-под бетона показались командир и комиссар батареи. Они шли, придерживая противогазы, болтавшиеся на боку. Командир батареи Емельян Петрович Донец, набрав в легкие побольше воздуха и подавив минутное волнение, выпалил:

— Товарищ командующий, Тридцатая батарея окончила стрельбу. Залпов десять, пропусков, осечек и поломок механизмов нет, израсходовано сорок выстрелов. Под-

робные данные будут доложены после получения снимков третьей группы наблюдения.

— Вольно! — радостно произнес Кожанов, резко шагнул навстречу и поцеловал немного растерявшегося Донца. — Командуйте «Отбой», выводите людей из-под массива, проведем митинг.

Кожанов любил митинги. В юности он командовал матросскими отрядами на Волге и побережье Каспия. Матросы любили своего командира за смелость и лихость в бою. Даже вражеские снайперы прозвали его «заколдованным». Перед боем или после него Кожанов умел сказать огневое слово, крепко берущее за матросское сердце. Так и сегодня он заговорил первым. Он начал издали, вспомнив налет немецкого линейного крейсера «Гебена» на базу флота во время первой мировой войны.

Немецкий линейный крейсер «Гебен», переданный Турции накануне первой мировой войны, ранним осенним утром 1914 года показался вблизи Севастополя. Командир корабля, зная, что русская крепостная артиллерия устарела, подошел на выгодную ему дистанцию и открыл огонь из одиннадцатидюймовых орудий. Снаряды падали в городе и на рейде, среди русских кораблей. Дальность огня «Гебена» превышала дальность большинства русских крепостных батарей. Броненосцы, стоявшие на якоре, тоже практически не могли стрелять по вражескому кораблю: одни из-за устарелости своей артиллерии, другие — потому, что не видели цель, скрытую от них берегом. Так и ушел безнаказанным быстроходный крейсер противника. Правда, его огонь не нанес существенного урона, но шуму наделал много.

Царское правительство, наконец, поняло, что Севастополь остро нуждается в новых дальнобойных крупнокалиберных батареях, и отпустило некоторую сумму денег на постройку двух башенных батарей двенадцатидюймового

калибра. Одну наметили создать южнее Севастополя, другую — севернее.

Инженерная служба после долгих препирательств с артиллерийским ведомством приступила в 1915 году к рытью котлованов и прокладке подъездных путей. Но вскоре из-за недостатка средств строительство было прекращено. Для Тридцатой батареи успели только вырыть котлованы башен и заложить фундаменты.

Батареи пришлось создавать почти заново уже при Советской власти. Сначала строительство шло медленно — тоже не хватало средств. К концу двадцатых годов южная батарея вошла в строй.

— И вот сегодня, — голос Кожанова зазвенел, — мы с вами присутствуем при рождении новой двенадцатидюймовой батареи. Ее снаряды, пущенные умелой рукой, пробьют палубную броню любого линейного корабля из существующих сейчас в мире. И, конечно, никакие «гебены» не смогут теперь безнаказанно приближаться к нашей главной базе — Севастополю. Не смогут! Их встретит меткий огонь вашей и Тридцать пятой батареи еще на предельной дистанции вражеского огня. Большое спасибо вам, товарищи командиры и политработники, старшины и краснофлотцы, за то, что вы в кратчайший срок освоили грозное оружие вашей батареи и успешно продемонстрировали сейчас его действие. Слава и вам, труженики советских оборонных заводов, создавшие эти сложные боевые механизмы. Добрым матросским словом мы должны сегодня отметить и строителей батареи — бетонщиков, землекопов, каменщиков, штукатуров, плотников и столяров.

Когда смолкли аплодисменты, матрос-комендор от имени личного состава батареи заверил командующего, что артиллеристы Тридцатой с честью выполнят любой приказ Родины.

А затем гостей пригласили осмотреть батарею. Люди

разбились на несколько групп. Первая группа пошла под бетонный массив внутрь горы, вторая — к казарменному городку, где среди молодых насаждений белой акации и кипарисов виднелись уютные жилые домики офицеров и матросов, клуб, столовая, баня, гараж, конюшня, склады и другие постройки, необходимые в любом небольшом отдельном гарнизоне.

Третья группа направилась на вершину некрутого зеленого сейчас холма с двумя приземистыми башнями, окрашенными под цвет окружающей их растительности. Со стороны моря их едва ли можно было разглядеть даже в сильные оптические приборы. По склону, обращенному к морю, «росли» железные кустарники, раскрашенные так искусно, что только в двадцати — тридцати метрах можно было разглядеть, что они ненастоящие. Такие кусты не боялись высокой температуры, не требовали поливки и специального ухода.

— Никакое растение не выдержало бы вихря раскаленных газов, вылетающих из стволов. А эти стоят, как живые, — пояснял помощник командира батареи.

Он подробно рассказал о назначении огневых точек, разбросанных по холму, густо опутанному колючей проволокой, смонтированной на железных столбах с бетонным основанием. Все сделано надежно, добротно, продуманно. Каждый метр площади на подходах к батарее простреливается многослойным огнем пулеметов, помещенных в бронированных колпаках или бетонных дотах.

Особенно удивили гостей башни, погреба и силовые агрегаты внутри бетонного массива. Все было приспособлено для того, чтобы стрелять метко и быстро. Центральный командный пункт, скрытый за толстой броней и бетоном, имел множество различных приборов, способствующих быстрому и точному расчету исходных данных для стрельбы. В толще горы были надежно укрыты погреба

с зарядами и снарядами, связанные с башнями длинными транспортерами. С мягким шумом тщательно подогнанных металлических частей двигались транспортеры, подавая снаряды и заряды в приземистые башни, одетые в броню толщиной до трехсот миллиметров. С помощью сильных электромоторов, башни легко поворачивались на триста шестьдесят градусов. Электромоторами приводились в движение и массивные орудия.

Силовые агрегаты — дизеля занимали специальный зал. Они давали ток для многочисленных электромоторов и для освещения помещений. Сильные матовые плафоны струили мягкий свет на операционные столы подземного лазарета, такие же плафоны были на камбузе и в хлебопекарне. Тихо и уютно было в небольшой кают-компании, обставленной со вкусом. Узел связи обеспечивал надежную телефонную связь и радиосвязь с командованием и подразделениями.

После того как был закончен осмотр внутренних помещений, все члены комиссии и работники штаба поднялись на вершину холма, чтобы общим взором окинуть все, что здесь создано. Внешне картина казалась ничем не примечательной: две приземистые башни, броневой колпак центрального командного поста и бесконечные ряды проволочных заграждений. И все. Но это было далеко не так. В башнях была скрыта огромная сила, опасная даже для самых больших военных кораблей. А какова же будет эта сила в действиях против наземных целей? Такая мысль возникла у присутствующих, но ее не высказывали, и только один из работников штаба флота спросил:

— А это все зачем понастроено? Неужели батареям придется когда-либо обороняться с суши? Маскировка нужна как с моря, так и с воздуха, согласен. Но зачем опутывать всю огневую позицию таким количеством проволоки?

— Кто знает, товарищ начальник, на войне всякое бывает, — многозначительно ответил помощник командира батареи.

Было это летом 1933 года.

2. ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Субботний вечер был тих и светел. Сразу же после заката на западе засияла крупная зеленоватая звезда. Она порядком надоедала молодым сигнальщикам, путавшим ее с огнями в море.

Где-то за горой, в лагере училища береговой обороны, ревел репродуктор, а в ложине, где раскинулись владения совхоза имени Софьи Перовской, тихо и задумчиво пели девочки.

Комиссар батареи Соловьев и механик Андриенко вместе с женами вышли погулять на опустевшее шоссе. В кюветах заливались цикады и сверчки, а на холме в зреющей пшенице призывно били перепела. «Поть-полоть, поть-полоть», — резко чеканили самцы. «Пиу-пиу», — откликались самки. В долине реки Бельбек из болотца, что поближе к устью, кричали кулички и надрывался дергач. В высоких пирамидальных тополях совхоза мелодично, но надоедливо посвистывал маленький сычик. Летучие мыши, привлекаемые белыми кителями комиссара и механика, беззвучно носились над самыми их головами.

— Ну вот, Иван Васильевич, отгрохали мы первое боевое учение в этом году, хорошо бы завтра и отдохнуть как следует...

— Если начальство не подъедет из города, отдохнем, товарищ комиссар. Поедем завтра на рыбалку, с утра пораньше, а?

— А спать кто будет за нас? — И как бы в ответ на это все начали зевать.

Только днем дали отбой большому флотскому учению,

длившимся больше недели. Батарея все время была в разной степени боевой готовности, и весь личный состав спал совсем мало. Ну, а уж если у мужей учение, то и женам дела хватает. Вот поэтому и зазевали все дружно, как только Соловьев напомнил о сне.

— Нет, главмех, давай-ка сначала выспимся вволю, а на рыбалку двадцать девятого раненько, раненько движем, идет?

Голова комиссара была еще полна событиями прошедшего учения, и, немного помолчав, он спросил:

— Досталось, поди, Иван, твоим ребятам? Да и тебя, слышал, не раз «выводили из строя»? Кто заменял?

— Три раза Рева, а вчера посредник вывел нас обоих. Ничего, справились, старшины у нас хорошие.

— Ну вот, опять про служебные дела. Пошли до дому, спать еще пуще захотелось.

— Погоди, Петровна, выйдем на пригорок, песни девчат совхозных послушаем. Страсть люблю издали девицы песни слушать...

— А спать кто за нас станет? Пошли!

По пути домой комиссар решил заглянуть к командиру батареи. Капитан Александер уже собирался спать, но Соловьеву обрадовался:

— Садись, Ермил Кириллович, потолкуем.

— Спасибо. Я ведь просто так на огонек заглянул. Да, кстати, что же ты на юбилей городского театра не поехал? Билеты-то тебе прислали?

— Без меня не захотел, — ответила за Александра его жена. — А мне куда уж...

— Сына ведь ждем, комиссар! — откликнулся капитан. — Александра Алексеевна на этот раз обещала не оплошать...

Встретив укоризненный взгляд жены, он поправился:

— А впрочем, и вторая дочка — тоже неплохо!

Первый ребенок Александеров — трехлетняя Танюшка

тут же блаженно посапывала в своей кроватке, укрытая марлевым пологом от москитов.

Соловьев ушел. Вскоре в батарейном городке воцарилась тишина, прерываемая лишь глухими вскриками сыч-полуночника, укrywшегося в густой кроне акации, росшей рядом с домом командного состава батареи. Жена Соловьева, как только он вернулся, сразу же стала укладывать его:

— Спать, Ермил, спать, ты же еле ходишь. Только не храпи сильно, опять Леку-Мороку разбудишь.

Соловьева ласково поглядела на кроватку, где, разморенный жарой, спал маленький Леня. Вскоре скромная квартирка комиссара наполнилась его могучим храпом.

«Вот казачина запорожский, и впрямь Леку разбудит». Соловьева хотела толкнуть мужа, но не решилась нарушить сон усталого человека.

Решил подремать и дежурный по батарее, оставив за себя своего помощника. Но едва он лег одетый на кушетку, как зазвенел телефон.

— Немедленно приведите батарею в готовность номер один.

Дежурный сразу узнал голос командира дивизиона Радовского.

— Есть, товарищ майор!

Лейтенант быстро врубил на щите сигнал «Боевая тревога». Помощник дежурного доложил по телефону Александру и Соловьеву. А через пару минут командир батареи уже сам говорил с Радовским. Тот сообщил, что получен приказ комфлота привести в боевую готовность всю береговую оборону.

— А флот как? — спросил Александр.

— Ну, конечно, и весь флот.

— Опять учение?

— Боюсь, что хуже. Пахнет какой-то крупной прово-

кацией. Приказано выдать всем боевые противогазы и патроны по военной норме. Как там у тебя?

— Сейчас подадут машину, едем с комиссаром на КП.

Александр вышел на улицу. В темноте южной ночи быстро строились матросы и старшины хозяйственной службы. Издали доносился топот многих ног. Помощник командира по военному хозяйству Иван Подорожный немножко сердито и нервно покрикивал на своих бойцов:

— Не шуметь и не грохать о землю прикладами, как на учебной тренировке. Патроны все получили?

— Я не успел.

— Как не успел, что же, к вам няньку приставить? Бегом на склад и через три минуты вернуться.

Техник-интендант первого ранга Подорожный по боевой тревоге командовал матросами и старшинами хозяйственной службы. Все его подчиненные собрались на боевые посты быстрее положенного нормативами времени. Подорожный доложил Александру, что тыл батареи по тревоге собран и готов к действиям.

— Патроны выдал?

— Так точно, всем, кроме коков, шоферов и портных. Коки — на камбузе, портные — в лазарете, они по тревоге расписаны боевыми санитарями. А шоферы — как всегда у машин. Противогазы боевые они все получили, а патроны им не выдавал, да и винтовки с собой не брали. Как всегда...

— Э-э, это ты брось «как всегда»... Оружие и боевые патроны выдать всем, понял? Если жинки выйдут по тревоге, им тоже найди дело по твоему усмотрению. Но самая главная их обязанность сейчас — спрятать ребят в убежище подсобного хозяйства и дежурить на обмывочном пункте. Затемнение держать строго. Чтобы ни одного лучика не вырвалось наружу. Охрана городка, лагеря и всех прилегающих построек — на твоём подразделении. Особенное внимание обрати на кустарники, вышли круго-

вые дозоры, цепью на расстоянии голоса. Установи связь с совхозом, пошли к директору и парторгу предупредить. Скажи, тревога не учебная, а боевая.

— Как понять, продолжение учения или...

— Никаких «или», толком ничего еще никто в штабе не знает. Но одно ясно — в городе объявлена гарнизонная боевая тревога, понимаешь, боевая! Сигнальщики с первого поста докладывают, что потушены все маяки, понял?

...Грузовик рванул на полную скорость и через несколько минут подкатил к входу под бетонный массив. Дежурный доложил, что командир дивизиона еще раз интересовался готовностью батареи. От входа под массив до командного пункта надо было бежать не менее пяти минут по длинной наклонной потерне. Прибыв в боевую рубку, Александр связался с командирами башен, они доложили, что все расчеты к бою готовы. Особенно быстро изготовились расчеты Кирпичева и Бурунова. Начальник связи Пузин сообщил, что со всеми боевыми постами связь действует безотказно, со штабом тоже. Обеспечили готовность своих агрегатов и прожектористы.

Командир центрального поста лейтенант Репков тоже доложил, что пост со всеми его подразделениями к бою готов. Выносные посты ничего нового не сообщили. Море было тихое и пустынное. На далеком горизонте, сверкая огнями иллюминаторов, шел пассажирский теплоход. Ближе к берегу постукивал дизелек моторной лайбы. Вот и все, что увидели в ночном море посты лейтенанта Репкова.

Александр и Соловьев сообщили в штаб дивизиона, что батарея к бою готова.

Подорожный обошел свои подразделения. Начальник гаража главный старшина Данилов доложил, что все шоферы и трактористы на своих местах. Кладовщик заканчивал выдачу противоголовок. В командирском общежитии дежурили жены и матери командиров и сверхсрочников.

Подорожный собрал их в затемненном коридоре и передал просьбу комбатра: укрыть детей в убежище подсобного хозяйства — бывшем винном погребе, пробитом на десятки метров в глубь горы.

— Кто не будет занят детьми, просьба подежурить на обмывочном пункте.

— Иван Трофимович, а как же это понять, раньше ведь мы детей никогда в убежища не укрывали, серьезное что-либо или опять учение?

— Серьезное, очень серьезное. Но никакой паники не должно быть.

— Да разве о том речь идет, мы, Трофимыч, паниковать не станем, не бойся и комбатру об этом скажи. Только все же, может быть, не стоит будить пацанят, уж очень сладко спят...

...Александр снял трубку, помедлил немного и набрал номер квартиры. Подошла жена.

— Саша, одень Танюшку, идите в убежище. Да береги себя.

...Над Севастополем почти одновременно взметнулись в ночное небо голубые мечи прожекторов и нервно забегали по зениту. Открыла свои прожекторы и самая ближняя к батарейному городку зенитная батарея. Казалось, совсем рядом с казармами вырвались в небо два луча и скрестились на какой-то серебристой точке, быстро скользящей к городу. Тишину ночи разорвал первый недружный залп, осветив багровым пламенем порыжелые холмы. Еще залп, а потом заговорили другие батареи Северной стороны. Вокруг серебристого самолетика заплесали красные вспышки разрывов. От скрытого холмами города потянулись к небу красно-зеленые трассы, залпы батарей слились в какой-то адский рев, больно надавливающий на барабанные перепонки.

Вот за горой полнеба осветила багровая вспышка, и глухой гул далекого взрыва долетел до городка.

Блики прожекторов, красные от залпов зениток и трасс, отражались на стеклах зданий.

— Ну теперь понесли, бабоньки, ребят в подвал, спокойнее будет.

И кучка встревоженных женщин растаяла между домами. Вскоре загребели маленькие колеса детских колясок, кто-то из ребятишек испуганно звал: «Мама, мамочка, не уходи». Старенькая бабка испуганно крестилась и как могла успокаивала внука.

Женщины потребовали, чтобы им выдали хотя бы малокалиберные винтовки, те, из которых они учились стрелять в стрелковом кружке:

— Может быть, и наша помощь понадобится, вон они парашютистов бросают. Будем вместе с мужьями защищать батарею.

На большом зеленоватом парашюте качалось что-то темное и длинное. Парашют бризом тянуло к морю. Спустился он очень быстро, совсем не так, как спускаются обычные парашютисты. До моря купол не дотянул, и где-то у воды снова громыхнул тяжелый взрыв, выбросив высоко к небу мелкие камни, грязную воду и столб белого пара.

Стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась. Стало необычно тихо, даже звон стреляных гильз под ногами зенитчиков ближних батарей 61-го артполка совершенно отчетливо слышался в ночном воздухе. Расчеты зенитных автоматов, приданных батарее, огня не вели: самолеты врага летели выше досягаемости их маленьких снарядов.

На сером небе за Мекензиевыми горами рассвет медленно стирал звездную россыпь. Море заметно посветлело, открыв на горизонте дивизион сторожевых катеров, несшихся полным ходом вдоль берега. Желтый холм с выгоревшей травой и двумя закамуфлированными башнями грозно выделялся на фоне серого неба. Длинные стволы

орудий молчаливо и сурово глядели в сторону пустынного моря...

Так начался первый день войны на Тридцатой береговой батарее. В семь часов дали отбой тревоги и объявили готовность № 2. По подразделениям провели митинги. Весь личный состав участвовал в митингах, кроме тех воинов, которые несли вахту.

3. В СТОРОНЕ ОТ ВОЙНЫ

Корабли врага не появлялись у Севастополя, самолеты налетали сравнительно часто, но целью их налетов была не батарея. Они ставили магнитные мины на фарватерах, иногда пытались бомбить корабли и город, но в район батареи война еще не пришла.

Стрелять из орудий главного калибра пока не приходилось: не было подходящих целей. Да и зенитные автоматы палили по самолетам врага нечасто. Фашистские самолеты летали обычно на больших высотах, вне досягаемости их огня. Крупнокалиберным зенитным пулеметам ДШК было еще меньше дела. Только один раз, когда подбитый «юнкерс» снизился, пытаясь сесть в районе батареи, несколько ДШК прошили его, самолет стал разваливаться и вскоре рухнул в море, недалеко от берега.

...Однажды к комиссару пришли матросы и попросили отправить их на войну.

— Так вы же на войне, — удивился комиссар.

— Какая тут война, товарищ старший политрук, война стороной проходит. На Украине идет смертный бой, а мы здесь сидим и прохлаждаемся. Гоняем вхолостую пушки, в сотый раз перетираем оптику, а толку от этого...

— Руки чешутся, товарищ комиссар. Просимся на фронт, в морскую пехоту или в полевую артиллерию. Нам, пушкарям, все равно из какой пушки стрелять, лишь бы

по фашисту. А насчет меткости не сомневайтесь — попадем в любую цель.

Соловьев как мог разъяснял бойцам обстановку. Говорил, что в Черное море могут войти итальянские линкоры, что турки подозрительно ведут себя, а у них хоть и старый теперь, но все же «Гебен». Сказать о том, что немцы могут прийти в Крым по суше, у комиссара язык не повертывался. Но он все же предупредил бойцов, что возможен и десант врага.

— На войне всякое бывает, — говорил комиссар.

Посоветовавшись с командиром, комиссар и секретарь партбюро организовали разъяснительную работу среди личного состава батареи. Необходимо было убедить людей в том, что ослаблять боевую мощь батареи нельзя. Однако впоследствии часть матросов и старшин пришлось все же выделить для формирования частей морской пехоты.

Чтобы поднять боевой дух батарейцев, командир и комиссар решили пропустить личный состав башен и стрелковых огневых точек через зенитные расчеты, которые хоть и нечасто, но все же стреляли по самолетам врага. Это делалось осторожно — так, чтобы не ослабить боевую готовность орудий главного калибра. После этого просьб об отправке на фронт стало поменьше.

А фронт приближался. В начале октября враг перерезал железную дорогу Севастополь — Москва. Нависла угроза прорыва фашистов в Крым, тогда батарейцам придется схватиться с врагом лицом к лицу.

...На батарее продолжалось строительство укреплений.

Тяжелые башенные орудия, приспособленные для морского боя, не смогут защитить себя от противника, если он прорвется к батарее: существует так называемый «мертвый» угол, ниже которого стволы нельзя опускать, стало быть, нельзя и стрелять на очень близкое расстояние. Дальнобойные орудия бессильны против вражеских

солдат, пробирающихся по глубоким балкам к огневой позиции батареи. Да, кроме того, и неразумно было бы палить по небольшим группам солдат из двенадцатидюймовых орудий. Поэтому так важна была хорошо организованная сухопутная оборона: доты и дзоты, глубокие окопы и ходы сообщения к ним. Конечно, все это было на территории батареи, но не в таких размерах, которые настоятельно диктовала обстановка. Александер, Соловьев и Радовский — командир Первого отдельного дивизиона, в который входила батарея, не один день потратили на то, чтобы наиболее рационально подготовить батарею для борьбы с противником, атакующим с суши. Командир и комиссар целые дни ездили и ходили вокруг батареи, проверяя строительство укреплений.

Командующий береговой обороной генерал-майор П. А. Моргунов советовал обратить внимание на подготовку корректировщиков. Местность вокруг батареи была холмистая, много глубоких долин, балок, ущелий. Для стрельбы по закрытым целям, особенно на больших дистанциях, должны были потребоваться корректировочные посты, причем не только в районе наших позиций, но и в тылу врага, если фронт приблизится.

— Стрелять надо экономно, разумно расходовать каждый снаряд, — предостерегал Моргунов командиров батареи. — Дело не только и не столько в том, что каждый ваш выстрел стоит государству тысячи рублей. Помните, что снарядов такого калибра у нас на складах немного, а доставить их из глубокого тыла не всегда возможно. Надо так стрелять, чтобы каждый снаряд поражал цель. Полевые укрепления следует строить экономно и разумно. Народу у вас мало, практически сможет работать только треть гарнизона, а сделать все необходимо быстро. Материалов недостаточно, особенно досок и бревен, но у вас есть камень, песок, глина, известь, хворост. Рубите тополя и осокори, что растут в долине Бельбека, они пой-

дут на перекрытия в дзоты. Ходы сообщения и окопы надо строить так, чтобы противник не мог по ним про-
рваться к огневой позиции батареи. Хорошая маски-
ровка — половина успеха. Вчера летали на самолете работ-
ники нашего штаба и многое видели у вас, что вовсе не
обязательно видеть с воздуха. — Генерал, вынув из сумки
карту, показал наиболее уязвимые места по части маски-
ровки. — Летчики жалуются, что по ночам у вас тоже не
все затемнено так, как положено. Все двери оборудовать
ночным освещением. Мне уже попало сегодня от ком-
флота за вашу плохую светомаскировку. Позор это, това-
рищи, понимаете, — позор!

Александр, Соловьев, Окунев и другие смущенно мол-
чали. Рассерженный генерал продолжал:

— А насчет потока докладных с просьбой отправить
на фронт зря вы жалуетесь. Надо уметь разъяснить лю-
дям, что они и тут нужны... Кстати говоря, такие доклад-
ные не только у вас пижут. Это распространенное явление
на флоте.

— Не тревожьтесь, Петр Алексеевич, — все сделаем,
как вы приказали, — заверил Моргунова Александр.

— Надеюсь, но все же в нашем военном деле проверка
никогда не мешает. Завтра утром снова приеду или ко-
миссара пришлю.

— Ему легко говорить: «разъяснить, разъяснить», —
сердито ворчал после отъезда Моргунова Соловьев. —
А сегодня пришли двое орлов и заявили: фронт, мол, на
Сиваше, удерем, ежели не отпустите. Я им говорю: рас-
стреляем как дезертиров за самовольный уход с боевого
поста, а они смеются: «Нет такого закона, чтобы людей
за то, что они хотят бить врага, расстреливать».

Соловьев явно горячился. Его широкое лицо, уже из-
рядно задубелое от крымского солнца и морских ветров,
покраснело, синеватые жилки нервно дергались на левом
виске. Это означало, что комиссар сердится.

Командир батареи Г. А. Александр и комиссар
Е. К. Соловьев.

Александр в этот день тоже был явно не в духе. Он сознавал, что упреки генерала Моргунова справедливы. Лицо его было сердитым и усталым. Он только что учинил разнос двум старшинам: ему показалось, что эти старшины, копавшие со своими отделениями окопы, сделали за день совсем мало, что окопы мелкие.

Беспокоило Александра и то, что от жены нет писем. Уехала беременная, должна уже родить, а весточки нет и нет...

Проводив Моргунова, Александр, Соловьев, Окунев и Подорожный устроились посовещаться в беседке летнего лагеря.

— Давай-ка, комиссар, проведем собрание партийного актива батареи, — говорит Александр, — пригласим всех командиров, политруков, агитаторов и боевой актив. По-

ставим задачу порезче и позлее. Доклад сделаешь ты, а потом я выступаю. Надо повернуть всю активность, весь патриотический порыв людей на строительство оборонительных и маскировочных сооружений. Это сейчас главное. Окуневу надо уделить особое внимание подготовке групп корректировщиков. Тренировать каждый день, особенно по связи, изучению местности. Знать каждый куст в радиусе действительного огня батареи, станции, знать, как свою ладонь, — их придется обстреливать наиболее часто. За холмами с крутыми скатами в сторону врага фашисты могут поставить гаубичные батареи крупных калибров. С помощью расчетов выясните, могут ли поражать их наши снаряды. Плохо будет, если мы станем палить, а гаубицы окажутся в «мертвом» пространстве. Зря израсходуем снаряды на цель, которую надо уничтожать совсем другими средствами. Подорожный должен в течение недели закончить эвакуацию семей на Северный Кавказ. Район вам всем известен: Белая Глина — Тихорецкая. До Керчи возите на своих машинах, а там уже командант сам определит, как лучше: пароходом или посуху. Если надо использовать машины до самой Белой Глины, — везите. Только приделайте на кузовах брезентовые крыши. Дело к осени, дожди пойдут, ребятишки простудятся. И еще очень большая задача перед тобой, Иван Трофимович, — продовольствие. Запасай его сколько можешь. Помни, что кормить придется не только своих, но и приданные нам части. Бери из тыла, что дают, и сам заготавливай. Зерна в Крыму много, надери крупы побольше. Съезди в Тельмановский район, там, говорят, бесхозные кабаны десятками по деревням шляются, жирные — страсть. Заготовители не успевают вывозить, помоги им. Привези побольше мяса, засоли, часть закопти. Овощей соленых готовь побольше, картошки тоже добывай с запасом. Если своих складов не хватит, договорись с совхозом. У них освобождаются сотни метров складской пло-

щади. Обеспечить запасной водой не только массив, но и городок. Выруби в горе закрытую цистерну кубометров на тысячу и заполни ее свежей водой. Мало ли что может быть. Зальют фашисты всю местность стойкими ОВ, чем смывать будешь? Хлорку рассредоточьте по всей территории, чтобы за ней далеко не ходить. Вот, ребята, и договорились почти по всем вопросам, а теперь пойдем, еще раз посмотрим, как окопы роют. — И Александр первым пошел к работающим краснофлотцам.

Загорелые бойцы, обнаженные до пояса, с блестящими от пота телами упорно долбили кирками и ломami непокорный грунт. В стороне, шипя и хлюпая, медленно поворачивался слопоподобный резервуар бетономешалки. Краснофлотцы ведрами и на носилках таскали раствор к новым долговременным огненным точкам.

Старшина Виктор Магометов, прозванный «главным фокусником», вместе с группой подчиненных ему матросов маскировал доты, окопы и ходы сообщения. Зеленые сети натягивали на проходы, железные кусты «росли» прямо из-под бетонных стен дотов, надежно закрывая их.

Пароконная повозка доставляла из поймы реки Бельбек пластины свежего дерна, которым матросы устилали бруствер окопа.

...Однажды командиру и комиссару позвонили из политотдела и предложили подобрать пятнадцать — двадцать добровольцев в полк морской пехоты, отправляющийся на помощь осажденной Одессе. Вечером на митинге комиссар предложил:

— Кто желает защищать осажденную Одессу — три шага вперед!

Шагнули все. Пришлось отбирать по списку. Те, кто не попал в список, возмущались. Один напоминал, что он отличник, в том числе и по стрельбе из винтовки. Другой, думая, что его не посылают потому, что имел взыскание,

просил забыть его проступок, поскольку было это уже давно.

Но командир и комиссар были неумолимы. Они отбирали самых дисциплинированных и умелых воинов: отдельных стрелков, физкультурников, воинов, на которых можно положиться. Четверо из них были коммунисты, пятеро — комсомольцы.

Командир центрального поста батареи лейтенант Репков еще накануне заявил Александру, что почти все его подчиненные просятся на фронт хотя бы в морскую пехоту, если в артиллерию не возьмут.

— А ты, Лев Григорьевич, что им сказал?

— Сказал, что нельзя оголять Центральный пост батареи, что старшины и краснофлотцы поста обладают редкой профессией и трудно подготовить им замену, что немцы уже на Сиваше, рвутся в Крым. Кроме того, мы не гарантированы и от ударов с моря.

— Да, положение напряженное. Тебе придется изрядно потренироваться как корректировщику по береговым целям. Хороша у тебя техника, но все посты подготовлены к огню по морским целям, а придется, видать по всему, стрелять прежде всего по суше. Поэтому я пока выделяю троих командиров-корректировщиков: Окунева, Адамова и тебя. Твой сектор корректировок — южный, Окунев — северо-восточный, Адамов — северный. Подбери в состав корпоста людей надежных и умелых. Можешь брать своих — у тебя больше восьмидесяти человек в подчинении, есть из кого выбрать, или из башен, даже от Андриенко можно брать. Связь со мной проводная и по радио, значит, нужны телефонисты и радисты. Каждый из состава корпоста должен метко стрелять из личного оружия, умело маскироваться, быстро окапываться. Ну, а уж гранаты бросать — это само собой разумеется. Понятно, что и сам ты, Лев Григорьевич, должен тоже быть готовым к любым испытаниям. Корректировщики — это

сейчас больше половины успеха. От вас зависит очень многое.

Репков задумался: очень тяжело слышать от командира батареи такие слова. Но все это, к сожалению, правда. А ведь вся довоенная боевая подготовка, да и учеба первых месяцев войны — все проходило под общим лозунгом «метко стрелять по кораблям врага».

Центральный пост управления огнем крупнокалиберной батареи — это не только те приборы, что укрыты на сорокашестиметровой глубине в толще горы. Центральному посту подчинено несколько выносных постов, расположенных по берегу. С помощью этих постов место противника на море можно определить с поразительной точностью. Тут решается как бы тригонометрическая задача: нахождение вершины треугольника по двум углам и основанию. Основание треугольника — расстояние между постами. Оно известно. Два угла определяют с помощью приборов. Имея эти исходные данные, можно с точностью до метра определить расстояние до противника и его место относительно берега. Вот почему Александер на учебных стрельбах не давал пристрелочных залпов. Первый же залп шел на поражение. Конечно, это было возможно благодаря тому, что личный состав Центрального поста великолепно знал свое дело. Однако сейчас, когда враг угрожал не с моря, а с суши, система выносных постов уже не имела той ценности. Это отлично понимали все матросы и старшины Центрального поста. Вот почему они так рвались на фронт: они считали, что там принесут больше пользы. Это было совершенно законное желание. И командиру надо было иметь много силы воли, чтобы побороть его в себе и убедить людей, что каждый из них нужен на своем месте. Да, было над чем задуматься лейтенанту Репкову, только год назад окончившему военно-морское артиллерийское училище...

...На следующий день утром провожали в морскую пе-

хоту. Напутственные речи были горячими, краткими и простыми:

— Бейте врага так, как требует партия, Родина! Никакой пощады фашистским захватчикам. Каждый ваш выстрел должен находить врага.

Батарейный поэт Петр Кирилюк прочел стихи, в которых призывал мстить злобным врагам.

От имени уходивших морских пехотинцев выступил Терентий Волощук. Он сказал, что батарейцы Тридцатой не посрамят честь своей родной батареи и будут бить врага мужественно и умело.

Короткая команда, краснофлотцы садятся в грузовик, и через минуту только облако пыли клубится на шоссе.

Помрачнели лица оставшихся бойцов. И опять посыпались докладные с теми же самыми просьбами — откомандировать в морскую пехоту или в полевую артиллерию.

...На исходе был четвертый месяц войны. Вражеские полчища рвались к Москве. Александр, отправивший беременную жену и трехлетнюю дочурку в столицу, тревожился за их судьбу. Наконец пришла долгожданная весточка. Жена сообщала, что доехала благополучно, что в переполненном вагоне незнакомые люди уступили ей нижнюю полку и всячески оберегали ее.

Среди горячих повседневных дел командир забывал о личном. Но по вечерам, оставшись один, он тосковал по дорогим и близким ему людям. Однажды в такие минуты он написал жене:

«...И я скучаю, и очень хотел бы видеть вас, мои родные, любимые, но это сейчас невозможно. Главное сейчас — бить врага. А потом мы с тобой проживем счастливой жизнью...»

Командир батареи не знал, что в те самые минуты, когда он пишет эти строки, Александра Алексеевна, укрывшись от очередной фашистской бомбежки в переполненном людьми подземелье метрополитена, «не оплошала»:

подарила ему сына. Новый гражданин Советского Союза заявил о своем рождении звонким здоровым криком. Советские люди с искренним участием отнеслись к молодой матери, попавшей в трудное положение.

Александра Алексеевна сразу же написала мужу о рождении сына. Но письма задерживала военная цензура: в них указывалось место рождения сына, служившее убежищем для многих тысяч жителей столицы. Жена командира батареи не знала этих тонкостей и продолжала упоминать о месте рождения Коли. Александер беспокоился о семье, засыпал письмами жену и ее родных. Его письма приходили исправно. Полные тревоги и горечи, они вызывали ответы, где вновь и вновь повторялись обстоятельства и место рождения сына. Понятно, что и они не доходили до адресата.

Комиссар тоже часто писал жене. Бронислава Иосифовна Соловьева и трехлетний сын Леонид попали в общий поток эвакуированных, направлявшийся из Севастополя на Северный Кавказ. Соловьевы обосновались на станции Белая Глина. Жизнь была нелегкая, и Бронислава Иосифовна часто писала мужу о своих нуждах. Но письма доходили редко. Соловьев терпеливо внушал ей, что она не должна падать духом в трудностях, что ей следует поддерживать других женщин, оказавшихся в тяжелых условиях.

Письма Соловьева дышат глубоким оптимизмом, он заботится о том, чтобы в письмах, которые получают офицеры его батареи от членов их семей, не было жалоб. Писем много, большей частью это открытки. Бронислава Иосифовна и Леонид Ермилович бережно сохранили их.

«Вчера вечером я получил ваше письмо от 29.VIII, — пишет Соловьев, — но не сумел в тот же вечер написать ответ, так как довелось выполнять более важную работу... Пойми, дорогая моя Бронечка, что идет Великая Отече-

ственная война, что враг коварен, силен и неумолим, что сейчас не время нам с тобой заниматься личными вопросами, ибо они, эти вопросы, нам так мешают, что мы с тобой путаемся и теряем равновесие, что врагу и нужно...»

В одном из писем Соловьев рассказывает жене со слов очевидца, прибывшего на батарею, как немецкие летчики с бреющего полета расстреливали женщин и детей у днепропетровского вокзала. «Кровь стынет в жилах от его рассказов о зверствах этих гадов, — пишет Соловьев. — Нам сейчас нужно громить и громить до полного истребления этих подлецов, а не распускать нюни, так как это на руку только врагу... Большое тебе спасибо за то, что ты написала про моего незабвенного Кокины-Морокины (так в семье шутили называли Леню). Ах, дорогая, что скрывать... я порой пригрустну по вас, но ничего не могу сделать. Вы мне даже раза четыре снились, — «но это только сон...».

В общем, дорогая моя, не унывай, мужайся, в трудностях воспитываются жгучая ненависть к врагу и твердая уверенность в скором разгроме...

Будь здорова, моя милая Бронечка. Целую вас крепко, крепко. Поцелуй за меня Леонида».

29 октября Подорожный, уже успевший заготовить много продуктов, вместе с кладовщиком Зайцевым и шофером Боркутовым рискнул поехать еще в один рейс. До Евпатории не доехали: там уже были немцы. В Саках на складах нагрузили машину и покатали обратно. На одном из перекрестков стояла немецкая танкетка. Она подпустила грузовик метров на пятьсот и открыла пулеметный огонь. Подорожный не растерялся, приказал шоферу круто свернуть в балку и по целине прорвался на усадьбу совхоза имени Фрунзе. Камеры машины оказались целы, и это спасло заготовителей. Когда они прибыли на батарею, в ящиках и кузове обнаружили несколько дырок от пуль врага.

Тем временем командир с комиссаром уже решили, что автомашина оказалась в окружении и Подорожный со своей маленькой командой попал в плен или погиб. Узнав о прибытии Подорожного, комиссар спустился с холма в городок, поздравил интенданта с возвращением и рассказ о положении на фронте. В это время со стороны 54-й батареи, стоявшей на окраине деревни Николаевки, донеслись глухие залпы. Эта батарея, первая из севастопольского гарнизона, открыла огонь по врагу. Ночное небо полыхало заревами пожаров. В Симферополе, Евпатории, Саках, Бахчисарае горели склады топлива, которое нельзя было вывезти. Над Севастополем в эту ночь было тихо и темно. Город настороженно молчал, ошестинившись стволами орудий и пулеметов.

4. ПО ВРАГУ — ОГОНЬ

— Орудия зарядить фугасными!

Транспортеры с лязгом и грохотом доставили первые снаряды. Краснофлотец Пономаренко выхватил из кармана кусок мела и торопливо вывел: «Смерть презренным фашистам!»

Гитлеровцы прорвались в Крым на рассвете 28 октября.

Фельдмаршал Манштейн (тогда еще генерал-полковник, командующий 11-й армией) в своих воспоминаниях признает, что бои на ишуньских позициях стоили ему больших потерь, но все же силою трех дивизий он прорвал позиции наших войск и сразу ввел в прорыв еще три свежие гренадерские дивизии. Эти дивизии, посаженные на бронетранспортеры и грузовики, в сопровождении мотоциклистов мотомехбригады Циглера двинулись по степной части Крыма, обгоняя отходящие советские части. Три свежие дивизии присоединились к трем хотя и сильно потрепанным, но все же боеспособным дивизиям, участвовавшим в прорыве. Враг получил на главном на-

правлении явный перевес в силах. Советские войска, рассредоточенные по всему Крыму, не имели в достаточном количестве автотранспорта, поэтому они были малоподвижны, не способны маневрировать. У врага было больше самолетов и танков. Фашистам удавалось бить наши дивизии по частям, в каждом отдельном случае наваливаясь на них превосходящими силами.

Одна группировка фашистов, наступавшая на Севастополь, должна была отрезать от него Отдельную Приморскую армию, расчленив и уничтожить ее. Вторым клином немцы пытались отсечь отступающую на Керченский полуостров 51-ю армию. Полностью осуществить этот замысел врагу не удалось, но все же гитлеровцы нанесли серьезный урон советским войскам.

Приморская армия вначале была отрезана от Севастополя и отошла на южный берег Крыма.

Генерал Манштейн пытался захватить Севастополь с ходу, пока не прорвалась туда из Ялты Отдельная Приморская армия. В городе было совсем мало пехотных частей. Немцы знали об этом и очень спешили войти в город. Местный стрелковый полк, полк НКВД, несколько батальонов морской пехоты — вот и все, что мог выставить против врага командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский. Манштейн в своих воспоминаниях указывает, что у русских в это время в Севастополе было пять свежих бригад морской пехоты. Выпущенный из тюрьмы, куда он попал после Нюрнбергского процесса над фашистскими военными преступниками, Манштейн явно противоречил истине, говоря об этих пяти бригадах. Американцы и англичане, сделавшие его своим советником, очень нуждались в генерале, который побеждал русских. Поэтому такая «неточность» фашистского фельдмаршала имела вполне определенную цель — набить себе цену.

Ни одной бригады в Севастополе в это время не было.

Остатки Седьмой бригады морской пехоты под командованием полковника Е. И. Жидилова с боями пробились сквозь фронт в Севастополь только 9 ноября. Восьмая бригада только грузилась на крейсера в одном из кавказских портов. Пятидесятикилометровую дугу Севастопольского фронта прикрывали два неполных стрелковых полка, несколько матросских и курсантских батальонов, опиравшихся на сравнительно редкие доты и дзоты. На некоторых участках фронта на протяжении километра стояло не больше одной роты моряков, вооруженных только стрелковым оружием. Но была еще одна грозная сила, которую недооценили фашисты, — артиллерия кораблей и береговых батарей.

Одной из таких батарей была Тридцатая, с ее двенадцатидюймовыми орудиями, с системой долговременных укреплений, обильно оснащенных пулеметами. Эту батарею поддерживали еще три береговые батареи открытого типа и несколько стационарных зенитных батарей, которые могли оказать серьезную огневую поддержку сухопутным войскам.

С большими потерями, сохранив, однако, штабы, обозы, артиллерию и несколько тысяч бойцов, Приморская армия под командованием генерал-майора И. Е. Петрова прорвалась в Севастополь со стороны Ялты. 51-я армия тоже понесла большие потери, но пробилась на Керченский полуостров и оттуда переправилась на Северный Кавказ.

Враг наступал серьезными силами. Вначале Манштейн направил против Севастополя 54-й армейский корпус в составе 22-й, 50-й и 132-й стрелковых дивизий и отдельной мотобригады Циглера. Эти части наносили удар с северной стороны. Несколько позже Манштейн включил в борьбу за Севастополь и 30-й армейский корпус в составе трех пехотных дивизий, подкрепленных отдельными танковыми частями.

Силы были далеко не равными, но умело организованный артиллерийский огонь кораблей и береговых батарей помог защитникам города преградить путь врагу.

Рано утром 31 октября капитан Александер впервые получил от корректировочных постов данные о продвижении фашистских частей. Немцы самоуверенно двигались по Симферопольскому шоссе. До Севастополя было еще далеко, в воздухе «висели» «мессершмитты», прикрывая колонну от возможных налетов русской авиации, шоссе впереди колонны было многократно прочесано мотоциклистами.

...Старший лейтенант Окунев первым из корректировщиков обнаружил врага. В окуляре бинокля сначала показалась голова автомобильной колонны: три закамуфлированных бронетранспортера. Колонна двигалась медленно. Издали она была похожа на чудовищную серую гусеницу, голова которой вылезла на холм, середина прогнулась в долине, хвост с мотоциклистами еще болтался где-то на вершине второго пологого холма. Окунев пропустил голову колонны через один холм, «гусеница» согнулась на грязном шоссе, затем вытянулась и поползла быстрее, норовя скрыться в ущелье.

Но тут произошло то, что должно было произойти. Окунев дал координаты колонны радисту, державшему связь с КП батареи, и не прошло трех минут, как через головы корректировщиков, вспарывая сырой воздух, пронеслись снаряды первого залпа. Началось избиение фашистской автоколонны.

Перед головной автомашиной выросли высокие столбы. Еще не развеялся черный дым, как новые взрывы заглушили рокот моторов, разбитые машины загородили шоссе.

Пленный фашистский унтер впоследствии рассказывал об этом обстреле:

— Вначале мы думали, что это с большой высоты бомбит русская авиация. Сразу же привели зенитные сред-

ства в боевую готовность. Но сквозь редкие облака не было видно никаких самолетов, кроме своих истребителей, носившихся над колонной. А когда снаряды стали рваться в хвосте колонны, заградив нам обратный путь, мы поняли, что это стреляет какая-то русская тяжелая четырехорудийная батарея.

Пленный полностью подтвердил донесение Окунева.

— Это была настоящая казнь, — говорил унтер. — Тяжелые снаряды рвались прямо на шоссе, среди машин. Казалось, кто-то невидимый управляет этим дьявольским огнем, как симфоническим оркестром.

Пленный до войны был музыкантом в оркестре, поэтому его показания изобиловали музыкальными терминами.

— Мы оказались как в мышеловке, — продолжал немец. — Свернуть в сторону на кювет нельзя: грязь, буксуют машины. Впереди груды горящих машин. Сзади — тоже. А снаряды все падают и падают... Кругом трупы, стонут раненые. Потом загорелся транспортер с боеприпасами, новые взрывы. Как я уцелел — ума не приложу. Командир роты был убит, все взводные офицеры — тяжело ранены. Я убежал в лес. Только на второй день остатки нашего батальона были собраны под Бахчисараем. Кстати, и туда долетают ваши снаряды. Говорят, что это стреляют корабли...

В тот же вечер Окунев пришел на батарею вместе со своими радистами. Один из матросов получил два сравнительно легких пулевых ранения. Комиссар спросил:

— Ну как выбирались?

Окунев устало улыбнулся.

— Пришлось попотеть. Догадались, где мы, а может, заметили — это уже наша неосторожность — и сразу же послали автоматчиков. Уходили под огнем. Автомат грешил здорово, но меткость из него не очень большая. Я из карабина двух фашистов уложил еще задолго до того, как

пули вокруг нас засвистели. Очень нам кусты помогают. В кусты немец боится лезть и палит по площадям. А этот огонь уже не страшен.

Товарищи долго еще расспрашивали корректировщиков, которым впервые пришлось драться с врагом.

В журнале боевых действий Тридцатой батареи впервые появилась запись об уроне, причиненном врагу. На боевом счету батареи в этот день появилось несколько уничтоженных танков, семьдесят автомашин и до трехсот фашистских солдат и офицеров. Немцы сразу же извлекли из этого урок и перестали днем посылать такое количество автомашин в одной колонне.

5. НА КОРРЕКТИРОВОЧНЫХ ПОСТАХ

Осенний ветер несет над холмами рваные клочья облаков. Сыро, грязно, холодно и неудобно. Сквозь низкорослый колючий кустарник, что густо покрыл плоскогорье за деревней Дуванкой, продирается группа людей в пятнистых маскировочных халатах немецкого образца. Люди то ропяются и таятся. Небольшие полянки они стараются пробежать низко согнувшись, насколько позволяют какие-то тяжелые предметы, скрытые под маскхалатами. По кустам идут спокойнее, но рассыпавшись коротенькой цепочкой и зорко осматриваясь по сторонам.

Вот вершина горы, с нее широкий обзор. Направо меж холмами вьется черная лента Симферопольского шоссе, а почти рядом с ним — более прямая линия железной дороги. Справа и прямо, кутаясь в облаках, желтеют далекие дубовые и грабовые леса на северных отрогах Яйлы.

На голой вершине, густо усыпанной серыми замшевыми камнями, ветер особенно злой. Чуть ниже между кустами виден небольшой окоп, замаскированный порожелыми ветками. Здесь почти совсем тихо и не так холодно. Люди сбрасывают халаты и остаются в бушлатах и кас-

ках. Командир этой маленькой группы лейтенант Саркис Адамов тоже в коротком бушлате.

Он бросает отрывистые распоряжения, и радист Юрченко уже выставляет над кустами тонкий прутик антенны, гнувшийся под напором ветра. Командный пункт Тридцатой батареи принял короткий сигнал, и стальной прут быстро исчез в раскидистом кусте.

Адамов, расставив треногу стереотрубы, занялся осмотром местности. А в это время где-то далеко на западе, у самого берега моря, в броневой рубке батареи вахтенный радист уже доложил командиру батареи капитану Александеру:

— Корпост Адамова занял третью точку. Прорвались благополучно, потерь нет, стычек не было, пока не обнаружены...

Усталые глаза Александера заметно посветлели.

Старший лейтенант Окунев упорно и настойчиво готовил корректировочные посты. Он тренировал на местности командиров башен и их помощников. Лейтенанты Теличко, Поль, Адамов, Репков выезжали на автомашине далеко от батареи, лазили по холмам, изучая местность, сравнивая с картами. Каждую карту надо было откорректировать с максимальной точностью. От составления и печатания карты до начала войны могли произойти весьма существенные изменения. Там, где была голая долина, могли насадить сад, на южных склонах холмов — виноградники, а крупные деревья, нанесенные на карту, могли быть сломаны ветром или спилены. Поэтому местность изучали так тщательно, что любой артиллерийский офицер батареи мог на память перечислить все мало-мальски заметные ориентиры.

Помощник командира 2-й башни лейтенант Адамов иногда даже немного сердился на Александера и Окунева, требовавших такого дотошного изучения местности. Ему по молодости вначале казалось, что и скрытые подходы

Старший лейтенант Андрей Теличко
и лейтенант Саркис Адамов (1942 год).

к корректировочным постам изучать незначем. Он считал, что немцы не смогут ворваться в Крым, а тем более близко подойти к Севастополю. И вот, пройдя незаметно мимо немецких постов, Адамов с благодарностью вспомнил Окунева, заставлявшего молодого лейтенанта вышагивать десятки километров по тем местам, где теперь кор-

ректировщикам приходится пробираться в тыл врага. Отличное знание этой холмистой местности, покрытой кустарником и низкорослым дубняком, дало Адамову и его помощникам возможность успешно оперировать в тылу врага. И вот сейчас, установив стереотрубу, он медленно ведет ее по горизонту. Командиру поста помогают матросы, вооруженные десятикратными биноклями.

Адамов видит, как по шоссе проносятся мотоциклисты, ползут в сторону фронта подводы с ящиками и мешками. «Каптеры с продуктами, — решает лейтенант. — Не та цель для «Тридцатки». Медленно прошли по разбитому шоссе в сторону Симферополя санитарные машины с большими красными крестами на бортах и крышах кузовов. «Две, три, четыре, пять, шесть», — удовлетворенно считает Адамов и думает, что еще десятки фашистских солдат и офицеров выведены из строя. И наверняка столько же убито. Хорошо! Прижимаясь к облакам, плотным строем идут к северу наши штурмовики — не иначе бомбить Сарабузский аэродром — тоже хорошо!

Но вот далеко на горизонте из-за холма вырвался клочок белого дыма. Стереотруба, направленная туда, сразу же придвинула горизонт в пятнадцать раз ближе к горе, на которой сидят корректировщики. Приближается небольшой состав из товарных и пассажирских вагонов. На трех платформах стоят бронеавтомобили и пушки. Паровоз, тянувший этот состав на подъем, неистово пыхтит, выбрасывая с каждым толчком поршней клубы пара, смешанного с дымом. Адамов прикидывает на глаз расстояние от поезда до Бахчисарая: поезд будет там через пять минут. — Быстро связь с КП, — приказывает он Юрченко.

Радист высовывает из куста стальной гибкий прут, и через полминуты двухсторонняя связь установлена.

...На батарее все пришло в движение. По лязгающим транспортерам ползут из погребов в башни снаряды и заряды. Вот на лоток подан четырехсоткилограммовый сна-

ряд. Рослый комендор быстро пишет на нем мелом: «Смерть фашистским оккупантам». Что-то лязгнуло, и зарядник, словно гигантская рука, почти мгновенно засунул снаряд в казенную часть орудия. Нарезы с мягким хрустом вошли в медь ведущих поясков, и «рука» поочередно затолкала в широкую пасть казенника два шелковых цилиндрических мешка с порохом. Тяжелая дверка замка, приведенная в действие электромотором, мягко закрылась, и орудие стало подниматься на заданный угол возвышения. Этот угол, а также направление на цель очень быстро вычислил капитан Александер. Стрельба идет по закрытой цели. Никто на батарее не видит врага. Успех стрельбы зависит сейчас от лейтенанта Адамова и его помощников. Они определяют, какими снарядами стрелять и сколько их может понадобиться. Чем меньше снарядов потребуется для того, чтобы поразить цель, тем успешнее будет считаться стрельба. Ведь каждый выстрел из двенадцатидюймового орудия, учитывая стоимость боеприпасов и износ материальной части, обходится государству во много тысяч рублей.

Адамов хочет быть спокойным, но никак не может совладать с собой: слишком ответственна его задача. Ради этих тревожных минут боя он — пятигорский паренек — четыре года учился в артиллерийском училище, немало поработал и на батарее. И вот теперь он должен с честью выполнить свой долг перед Родиной. Волнение Адамова передается и его подчиненным: лейтенант это видит по их глазам, по суровым лицам, по лаконичным и точным ответам матросов, выполняющих свою задачу спокойно и деловито. Они ведь тоже понимают ответственность момента.

Станция Бахчисарай отлично видна, а поезд еще за горой. Надо подсчитать, за сколько времени он подойдет к вокзалу, и тогда — первый залп. Александер и его командиры башен — Теличко и Поль — уже знают, что стрелять будут по станции Бахчисарай. Орудия наведены

точно, ждут сигнала. Но сигнала подавать пока нельзя. Еще не известно, примет ли станция поезд или его останвят за семафором, тогда надо срочно сообщить новые координаты для залпа.

Но вот поезд медленно выползает из-за холма. Отчетливо видно, как машинист потравливает лишний пар. Паровоз поравнялся с вокзалом. Выдержка, и еще раз выдержка! Долгая, долгая минута — и наконец сигнал, а затем — томительное ожидание залпа. И хотя от подачи сигнала до момента, когда на посту услышали звук летящего снаряда прошло чуть побольше минуты, Адамову она показалась целой вечностью.

Звук неожиданно возник где-то сзади. Казалось, что какой-то великан могучими руками раздирает в небе гигантское полотно невиданной прочности. Этот звук издают тяжелые снаряды, вспарывающие воздух. Треск раздираемого полотна еще не заглох, когда в районе вокзала вырос высокий рыжий букет из грязи и дыма. Это был первый пристрелочный снаряд.

Звуки разрыва еще не донеслись до холма, как Адамов сообщил на батарею новую команду, потребовав еще один залп фугасными. Снова рев уже двух снарядов — и два рыжих столба взметнулись к небу у самого поезда. В стереотрубу ясно видно, как пробитый осколками паровоз окутается свистящим паром, а из вагонов высыпали солдаты. Их много, они бегут и падают на ходу.

Третий залп был уже четырехорудийный. Один снаряд угодил в вагон, второй — в здание вокзала, два разорвались рядом с поездом, раскидав десятки людей. Вот загорелся вагон, выбрасывая пламя ярко-соломенного цвета. «Горят боеприпасы», — определил Адамов. Залпы стали чаще. Низко над станцией, над мечущимися в страхе людьми засверкали разрывы шрапнелей, осыпая платформу и площадь у вокзала тысячами пуль и осколков. В предсмертной агонии забились обозные лошади, заго-

релись автоцистерны, серые фигурки солдат все гуще и гуще ложились вокруг приземистого здания вокзала. — «Для этих война кончилась», — подумал Адамов.

Потребовав еще два залпа фугасными, лейтенант дал «дробь» и доложил Александру результаты стрельбы. Адамов берег снаряды и считал, что задача выполнена.

Комендор Салапонов, схватив свободный бинокль, впился глазами в страшную картину разрушения. Он впервые увидел так близко результаты огня своей батареи.

Немцы, видимо, засекли работу рации корректировщиков и направляют к подножью горы группу автоматчиков. Но корпост свое дело сделал, и Адамов решает боя не принимать. Навьючив рацию и треногу стереотрубы, воины быстро опускаются вниз по склону, стараясь скрыть свой отход. Они должны в сумерках пересечь линию фронта и не напороться на свое же минное поле. Сделать это не так-то просто. По проселочной дороге наперерез группе летят восемь мотоциклистов. Двое с ручными пулеметами, у остальных — автоматы.

— Не дать им залечь, — приказывает Адамов.

Выстрелами из винтовок матросы быстро сшибают троих, четверо, дав газ, удирают, один остается за камнем с ручным пулеметом. Короткими очередями прижимает он корректировщиков к земле. Они ползут, прячась за бугры и камни, но впереди ровное поле. Один матрос отделяется от товарищей и, зажав в руке «лимонку», направляется к врагу. Фашист, увлекшись стрельбой, не замечает, как граната, описав высокую дугу, ложится рядом с ним. Глухой взрыв прекращает стрельбу. Забрав пулемет врага, матрос возвращается к своей группе.

Через поле перешли относительно спокойно — стреляя откуда-то издалека один ручной пулемет, но с таким расцениванием, что практически он был безопасен. При подходе к кустам гитлеровцы обстреляли корректировщиков из автоматов. Пришлось снова залегать, ползти, швырять

гранаты и стрелять в почти невидимых врагов. Когда перестрелка закончилась, Адамов обнаружил, что не видно комендора Салапонова. Пришлось вернуться. Салапонов был еще жив. Чувствуя приближение смерти, отважный воин просил застрелить его или оставить, а самим скорее уходить.

— Я буду обузой для вас, — говорил боец.

— Все поляжем, но не оставим друга на поругание врагам, — ответил Адамов.

Немцы, потеряв в перестрелке несколько человек, отстали. Положив на плащ-палатку Салапонова, корректировщики медленно пошли на запад, в сторону батареи. Серые сумерки быстро превращались в ночь. Салапонов сначала глухо стонал, потом затих. Адамов, накрывшись плащ-палаткой, осветил лицо бойца. Зрачки открытых глаз были недвижны.

— Умер, — тихо промолвил лейтенант.

Четверо молча подняли тело и понесли по узкой тропке, поднимавшейся наискось в гору. Шуршащие ветки дубовых кустов хлестали их, холодный ветер обжигал запотевшие лица. На вершине холма остановились, передохнули, закусили галетами и в кромешной тьме, разрываемой редкими сполохами ракет, медленно пошли вниз к морю.

Пять километров несли они на плащ-палатке мертвое тело Салапонова, чтобы похоронить у родной батареи. Три раза пришлось еще морякам схватиться с заставами врага. В одном месте они чуть было не напоролись на свое минное поле, но лейтенант Адамов вовремя это заметил и нашел проход.

Помощник командира второй башни Саркис Адамов был исключительно хладнокровным и настойчивым воином. Он ходил в тыл врага даже днем и всегда возвращался обратно, сделав свое дело — направив огонь тяжелых орудий точно по цели. Однажды, окруженный фаши-

стами, он вызвал огонь батареи на себя. Александр помедлил, потом решил, что, вероятно, нет другого выхода. Гитлеровцы были рассеяны, но Адамов получил контузию. Уцелевший при обстреле радист вынес его на свою территорию.

Особенно запомнилась Адамову первая стрельба. Тогда он корректировал огонь с выносного поста на холме у реки Альмы. Немцы двигались вдоль берега по проселочной дороге и 30 октября напоролись на береговую батарею, которой командовал старший лейтенант Заика. Батарея приняла бой и дралась в окружении более суток.

Немцы несколько раз пытались взять штурмом огневую позицию батареи, но, встреченные метким огнем двух уцелевших орудий, пулеметов и винтовок, отступали, неся большие потери.

Позже выяснилось, что в бою принимали активное участие даже семь офицеров и сверхсрочников. Женщины стреляли из винтовок, перевязывали раненых, подносили боеприпасы. Когда кончились снаряды и дальнейшая борьба стала бесполезной, командование прислало тральщик и буксир, чтобы взять на борт остатки гарнизона героической батареи.

Немцы обстреливали корабли и шлюпки, перевозившие людей с берега. Но умелым маневрированием и дымовыми завесами командиры кораблей избежали прямых попаданий. Прикрываясь огнем пулеметов, пошли к шлюпкам последние защитники батареи. Но тут вырвались вперед танкетки врага и отрезали от берега отважных воинов, в том числе командира и комиссара.

Все это в оптические приборы хорошо видели с корректировочного поста, но помочь не могли: огонь Тридцатой туда уже не доставал. Но когда немецкие танки и бронетранспортеры, подкрепленные большим количеством мотоциклистов, показались на бугре почти рядом с по-

стом, корректировщики с радостью сообщили на батарею нужные сведения. Раздался залп. Одна танкетка была буквально раздавлена близким разрывом. Другая, пробитая осколками, загорелась. Под градом шрапнельных пуль полегло много мотоциклистов. В каждом нашем снаряде было более двух тысяч смертоносных свинцовых шариков. Колонна была рассеяна; обрадованные моряки стали кричать «ура» и качать друг друга, хотя ликовать было еще рано.

Огонь корректировали до тех пор, пока враги не отрезали пост, обойдя его стороной по балкам. Адамов доложил об этом Александру, и командир приказал возвращаться на батарею, предварительно уничтожив визир, движок и другие механизмы.

Моряки так и сделали и направились вдоль берега в сторону Севастополя. Немцев нигде не было видно, но при подходе к одной деревне женщины сообщили, что она занята врагами. Пришлось уходить в поле и по балкам пробираться дальше. Мотоциклисты это заметили и ринулись в погоню.

Произошла короткая перестрелка. Несколько вражеских солдат слетело с машин, остальные повернули обратно. Потом путь корректировщикам преградили танкетки. У моряков были противотанковые гранаты, но растерялись и они и немцы. Обменявшись короткими пулеметными очередями, они разошлись.

Александр и Соловьев расцеловали возвратившихся, поздравили с первым боевым успехом. А тем все казалось, что они отступили неорганизованно, не сумев нанести врагу больших потерь...

...Наученные горьким опытом, немцы старались днем не подвозить войска ближе, чем на пятнадцать — двадцать километров к Севастополю. Но наши орудия стреляли более чем на тридцать километров, и фашистские поезда были для них неплохой целью. Поэтому Александр и

Соловьев старались, помимо постоянных корректировочных постов, забрасывать подальше за линию фронта и временные. И хотя корпосты несли жертвы, их работа в тылу противника стала обычным делом. Немцы, экономившие горючее, старались перевозить людей и военные грузы главным образом по железной дороге. Иногда фашисты не могли ждать темноты — каждый час дорог — и, пренебрегая опасностью, они днем гнали эшелоны поближе к фронту. Но стоило поезду показаться в зоне видимости корпостов, как «начиналась казнь».

К станции Биюк-Сюрень ночью подошел эшелон с боеприпасами. Его приход зафиксировали два корпоста — выносной, в тылу противника, и постоянный, под командованием Репкова. Не успел поезд остановиться, как на него посыпались снаряды. Вагоны загорелись, паровоз взорвался от прямого попадания, а потом начался такой треск, что даже в Севастополе было слышно. По данным журнала боевых действий дивизиона, на уничтожение этого поезда было израсходовано всего шестнадцать снарядов.

...Первые дни боев за Севастополь были для батарейцев особенно жаркими. Полевая артиллерия Приморской армии еще не пробилась с Южного берега Крыма. Кораблей в бухте было мало, к тому же у них были в это время другие цели. Поэтому Тридцатая и Десятая батареи держали под обстрелом большой участок фронта.

Вот краткая выписка из журнала боевых действий Тридцатой батареи за 4 ноября 1941 года:

«8-49. Один выстрел по кургану Таш-Оба.

14-34. Пять снарядов — по тяжелой батарее противника. Батарея замолчала.

14-55. По наступавшей пехоте и минометной батарее — 19 шрапнелей. Батарея подавлена, наступление приостановлено.

16-36. По балке Коба-Джигла — 6 снарядов.

19-10. Заградительный огонь по шоссе Симферополь — Бахчисарай и по железной дороге в районе хутора Кefeldи — 21 снаряд. Рассеяно до батальона пехоты.

22-00. Шесть фугасных снарядов по пехоте.

23-04. Шесть шрапнелей по пехоте».

Семь огневых налетов в течение суток. А какие разнообразные цели!

Один выстрел по кургану. На нем стояло тяжелое орудие, стрелявшее по городу так называемым «беспокоящим огнем». Немцы расставляли эти орудия поодиночке, чтобы в случае накрытия нести меньше потерь. Орудийный расчет, выпустив один снаряд, залезал в окопчик и курил пять — десять минут, а потом новый выстрел и опять перерыв... Наблюдатель корпоста заметил короткую вспышку, точно засек ее место и сообщил Александру. Через несколько минут прогремел одиночный выстрел, снаряд разорвался точно в районе фашистского орудия, и больше с этой высоты не стреляли.

Для чего понадобились шесть шрапнелей? В краткой сводке боевых действий сказано просто: «по пехоте». Это означало, что зоркий наблюдатель корпоста заметил в ложнне передвижение такой группы фашистских пехотинцев, которая заслуживала шести двенадцатидюймовых шрапнелей.

Через день — накануне годовщины Великой Октябрьской революции — в сводке говорится, что по высоте 248,8 батарея выпустила двадцать фугасных снарядов. Двадцать снарядов для Тридцатой означали уже более важную цель, чем группа пехотинцев. Возможно, на высоте был командный пункт вражеской части.

В первые дни боев легковая машина батареи с четырьмя краснофлотцами везла аккумуляторы на наблюдательный пост № 12. Машину в упор обстреляли фашистские автоматчики, забравшиеся в тыл наших передовых

частей. Тяжело раненные бойцы пытались отстреливаться, но силы были неравными, и все четверо погибли.

А когда батарея стреляла по окраине Бахчисарая, где остановилась фашистская автоколонна, комендоры группы подачи писали на снарядах: «Это вам, подлецам, за смерть четырех боевых друзей».

Лейтенанту Репкову нередко приходилось корректировать огонь в таких условиях, когда жизнь бойцов поста висела на волоске. Не раз случалось отстреливаться от наседавших врагов или вызывать огонь на себя. Однажды обнаглевшие немцы силою до двух батальонов при поддержке восьми минометов и десятка тяжелых пулеметов двинулись в наступление по Бельбекской долине. Репков точно засек координаты немцев и дал команду на батарею. Первым же пристрелочным снарядом случайно угодили в минометы и вывели их из строя. А потом уже не случайно стали класть шрапнели так метко, что из двух батальонов спаслось едва ли больше двух рот. Немцы вскоре опомнились и снова двинулись в атаку, но Репков опять вызвал огонь батареи, и атака фашистов захлебнулась. Три раза в этот день огонь Тридцатой останавливал наступление врага.

После того как Приморская армия вошла в Севастополь, ее артиллерия стала взаимодействовать с батареями береговой обороны. На Северной стороне стоял прославленный артиллерийский полк полковника Богданова, который несколько раз стрелял по врагу, пользуясь корректировочными постами Тридцатой батареи, командиры которых отлично знали местность.

С наступлением холодов немцы стали размещаться в деревнях. Они привыкли воевать «с комфортом» и не хотели сидеть в сырых и грязных окопах или землянках. Это учло наше командование и приказало нанести огневой налет по деревне Дуванкой, расположенной вдоль Симферопольского шоссе. Налет береговых и армейских батарей

должен был быть внезапным и массированным, чтобы враги не успели разбежаться. С высоты, где размещался стационарный корпост Репкова, заметили, что утром в деревню вошли восемь танков и около десятка транспортеров. Под деревьями и маскировочными сетями стояло много грузовых автомашин и конных повозок. Они появились там, вероятно, ночью. Хорошее знание местности помогло нашим наблюдателям разгадать несложную хитрость немцев.

Удар наносили днем при хорошей видимости. Корректировщики двух дивизионов полка Богданова прибыли на корпост и связали его проводной связью с дивизионами. Пристрелка заняла не больше минуты, а затем десятки стволов перешли на поражение. Деревня потонула в дыму и пыли. Фугасные снаряды Тридцатой батареи сносили сразу по два — три дома. Большой урон наносили врагу и армейские пушки. Их снаряды были поменьше калибром, но падало их в несколько раз больше.

Итоги огневого налета были очень эффективны. Из восьми танков уползли за бугор только три, остальные сгорели, из многих десятков автомашин и повозок уцелели единицы. Людские потери на расстоянии учесть было трудно. Партизаны позже говорили, что гитлеровцы после этого целый день занимались похоронами. И действительно, на второй день после обстрела на этом участке фронта противник не проявлял никакой активности.

Прошло много лет, но корректировщики батареи и теперь с любовью и уважением вспоминают своих подчиненных матросов и старшин.

— Краснофлотец Шимко обладал редкой находчивостью, выдержкой и способностью не теряться в любой обстановке, — рассказывает полковник Репков. — Были такие схватки с автоматчиками врага, в которых только на-

ходчивость и умение Кунтыша, Архипова, Шимко и других бойцов спасали наше положение. Под огнем вражеских минометов, когда мины рвались часто и близко, корректировщики работали спокойно и сноровисто, словно на учении. Однажды ночью мы оставили Шимко сторожить наш недолгий сон. Было довольно прохладно, а огня зажигать нельзя. Устроились в какой-то старой канаве на кучках бурьяна и задремали. Вдруг слышим близкий взрыв, свист осколков и неистовую ругань Шимко. Бросились на звук взрыва, а там стоит Шимко и ругается. Оказывается, он решил побегать вокруг куста, чтобы согреться. На поясе у него всегда болталось несколько гранат. Веткой дубового куста зацепило за чеку, и граната зашипела. Растеряйся Шимко — и собирали бы мы его тело по частям. Но Шимко успел сорвать гранату, швырнуть ее в сторону и лечь на землю. Осколки просвистели над его головой. За эту оплошность мне хотелось его крепко «вздрать». Но, разобравшись, как было дело, решил все же не наказывать. Человек ловкостью и находчивостью сохранил свою жизнь. Стоит ли после этого его наказывать? Шимко я взял из башни. Очень понравился мне этот коренастый и подтянутый боец с немножко озорными глазами. Спокойного, рассудительного Кунтыша взял от Андриенко из пятой боевой части. Телефониста

Лейтенант Л. Г. Репков
(1941 год).

Лейтенант Л. Г. Репков и неистовую ругань Шимко. Бросились на звук взрыва, а там стоит Шимко и ругается. Оказывается, он решил побегать вокруг куста, чтобы согреться. На поясе у него всегда болталось несколько гранат. Веткой дубового куста зацепило за чеку, и граната зашипела. Растеряйся Шимко — и собирали бы мы его тело по частям. Но Шимко успел сорвать гранату, швырнуть ее в сторону и лечь на землю. Осколки просвистели над его головой. За эту оплошность мне хотелось его крепко «вздрать». Но, разобравшись, как было дело, решил все же не наказывать. Человек ловкостью и находчивостью сохранил свою жизнь. Стоит ли после этого его наказывать? Шимко я взял из башни. Очень понравился мне этот коренастый и подтянутый боец с немножко озорными глазами. Спокойного, рассудительного Кунтыша взял от Андриенко из пятой боевой части. Телефониста

Письменного — из подразделения связи. Все они сами попросились в состав корпоста. Очень я был доволен также своим заместителем старшиной первой башни Лысенко. Он был сильный волей, храбрый и умелый, мастер на все руки. Любой из них готов был с честью выполнить самое трудное и опасное поручение. И выполнить с душой. Семнадцать лет прошло с тех пор, а я никак не могу забыть своих боевых друзей — корректировщиков. Чудесные были люди, — с волнением говорит полковник Репков.

С уважением и любовью отзывается об Иване Сергеевиче Лысенко и Саркис Адамов. Лысенко был помощником не только у Репкова, но и у других корректировщиков.

— Лысенко как-то по-хозяйски «обживал» корпост, как только мы туда приходили. Проверит маскировку, позаботится о хорошем круговом обзоре, о надежности связи с батареей, о питании, тепле и уюте для личного состава поста. Конечно, «уют» был весьма относительный, — говорит Адамов. — Но когда неделями сидишь на одном месте и прячешься и не то что огонь развести, даже закурить бсишься, — в таких условиях сухая и теплая «лисыя нора» кажется уютной. Хорошо знал свое дело и Салапонов, стойкий и мужественный человек. Был еще у меня чудесный связист краснофлотец Онуфрий Цаподой, — вспоминает Адамов. — Мастерски владел ручным пулеметом и не раз прикрывал пост при отходе. Стрелял расчетливо и спокойно. В быту — весельчак и балагур, в бою — герой. С такими нигде не пропадешь.

6. ПОЛИТРАБОТА БЫЛА ГИБКОЙ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОЙ

Однажды рано утром на огневую позицию батареи приехал начальник Главного политуправления Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга Иван Ва-

сильевич Рогов. В быту армейского комиссара «остряки-самоучки» подчас величали «Иваном Грозным». Это был простой, задушевный человек, умевший откровенно поговорить с любым бойцом. Суровость Рогова была изрядно раздута теми политработниками и командирами, которые «пострадали» от его тяжелых, но, как правило, справедливых «разносов». Рогов не любил людей трусливых и фальшивых. За трусость в бою карал беспощадно. Не любил он и тех политработников, у которых с виду все гладко и которые умеют показать «товар лицом». Особенно презирал очковтирателей, скрывающих недостатки. Тут уж пощады не жди. Зато всегда хвалил тех командиров и политработников, которые прямо говорили о своих недочетах.

Батарея была в боевой готовности, и высоко начальника встретил только Соловьев. Рогов приехал без всякого «хвоста», с одним адъютантом Иваном Межаковым.

Мотомехбригада немцев, наступавшая вдоль берега моря, в это время прорвалась уже к Десятой батарее, вошла в «мертвую» зону. Командир Десятой капитан Матушенко попросил помощи у Александра:

— Ты, Георгий Александрович, пальни, а я покорректирую.

Потребовалось всего девять снарядов, чтобы рассеять мотоциклистов.

Рогов, наблюдавший стрельбу с гребня соседнего холма, похвалил батарейцев. В беседе с Соловьевым он спросил:

— Ну как твои политруки работают?

— Хорошо, товарищ армейский комиссар.

— Все хорошо, а может, кто-нибудь все же плохо работает?

— Никак нет, — спокойно ответил Соловьев. — Если кто и работает слабовато, то виноват все равно я. Значит, подготовил плохо...

Рогов похвалил Соловьева за такой ответ и пошел в башни. Оттуда заглянул в отсек силовых агрегатов, в лазарет и на камбуз. Попробовал воду из подземной скважины и назвал ее «батарейным нарзаном». Вскоре опять началась стрельба, потом батарею стали бомбить «юнкерсы», и Рогов был вынужден уйти под массив. И тут потекли задушевные беседы с бойцами и командирами. Армейский комиссар отвечал на вопросы защитников батареи. Вопросов было много. Интересовались, когда союзники откроют второй фронт. Расспрашивали о битве под Москвой, об участии в ней моряков, особенно о гвардейском дивизионе реактивных установок под командой капитан-лейтенанта Арсения Москвина, укомплектованном моряками. Краснофлотцы и командиры, особенно из оккупированных врагом областей, интересовались партизанским движением. Армейский комиссар знал много деталей, которые не упоминались в печати. Ответы его были выслушаны с огромным вниманием. Рогов подробно рассказал о настроениях в стане врагов. Планы на «молниеносную войну» сорваны, фашисты понесли уже немалые потери, и это заставит задуматься широкие массы немецкого народа, одураченного гитлеровской пропагандой.

Защитники батареи часто потом вспоминали о беседе с Роговым: А те, кто находился в это время на боевых позициях, все жалели, что не могли в ней участвовать.

Рогов сердечно простился с Александром, Соловьевым и другими командирами, сел в коляску мотоцикла и уехал на командный пункт стрелкового полка.

...Тридцатая батарея стреляла реже других батарей. Берегли снаряды и стволы от износа. Это вызывало недовольство матросов.

— Почему Десятая батарея палит каждый день по нескольку раз, — спрашивали они, — а мы все реже и реже?

— Во-первых, мы уже и так порядком изнашивали

стволы, — говорил комиссар. — Во-вторых, каждый наш выстрел стоит очень дорого. И не по всякой цели надо палить из наших двенадцатидюймовых орудий. Есть и другие средства. Командованию виднее, когда и как использовать нашу батарею. Одно надо помнить: раз командование бережет батарею, нечасто позволяет нам стрелять, значит, нужно стараться, чтобы каждый снаряд достигал цели. В этом сейчас главное. И чем лучше мы будем изучать свое дело, тем больше нанесем урона врагу...

Агитаторы шли на боевые посты и говорили:

— Стрелять надо как можно лучше. В меткости огня сейчас залог успеха.

Однако положение было таково, что даже такой крупнокалиберной батарее стрелять приходилось все же довольно часто. Очень уж тяжелое положение сложилось под Севастополем.

Однажды секретарь комсомольской организации Устинов пришел к комиссару батарее.

— Как, Ермил Кириллович, будем откликаться на обращение комсомольцев Десятой батарее? Хорошо они написали. Призывают бить врага беспощадно и умело, бить до тех пор, пока не будет уничтожена фашистская нечисть.

— Согласен, секретарь, обращение хорошее. Полагаю, что комиссар Десятой Роман Черноусов тоже к нему руку приложил. Теперь вы, комсомольцы, напишите ответ покороче да позабористей. Напишите, обсудим и пошлем в газету.

И вот Устинов с комсомольцами Петрусовым, Дементьевым, Сивашенко и Куделей сочиняют ответ на обращение батарейцев Десятой.

— Комиссар говорит, что надо позабористей и покороче, а не получается. — Устинов трет покрасневшие от недосыпания глаза и опять начинает вычеркивать фразы.

Подходит секретарь партбюро Коломейцев и тоже выбрасывает несколько строк. Комсомольцы протестуют.

— Ответ пошлем в газету «Красный черноморец», а она сейчас стала маленькой, — убеждает их секретарь. — Длинное письмо наверняка редакция не пропустит...

14 ноября письмо комсомольцев Тридцатой было напечатано под заголовком «Умрем, но не отступим!»

В письме говорилось:

«...Много погибло фашистских солдат от мощного огня нашей батареи. Мы будем беспощадно уничтожать немцев на нашей священной земле. Если не достанет врага наш дальнобойный снаряд, мы будем уничтожать его из пулеметов, гранатой, винтовкой, штыком, саперной лопаткой — всем, что попадется под руку. Ни один из нас не дрогнет перед врагом!

Славные традиции революционных черноморских моряков свято живут в нашей памяти. Умрем за честь и свободу своей Родины, но не отступим перед врагом!

Так говорят наши лучшие артиллеристы, так говорят комсомольцы Крысанов, Борунов, Хоменко, Бешко, Куланин и другие, уничтожающие метким огнем фашистских бандитов.

Таков ответ комсомольцев и всего личного состава нашей батареи на призыв комсомольцев батареи т. Матушенко.

По поручению комсомольцев:

*Комиссар батареи Соловьев.
Секретарь партбюро Коломейцев.
Секретарь бюро ВЛКСМ Устинов.
Комсомольцы Дементьев, Петрусов».*

Комсомольцы свято хранили верность своей клятве. Они старались сделать как можно больше для победы над врагом.

На одном из комсомольских собраний Устинов предложил обратиться к молодежи Черноморского флота с

призывом собрать средства на создание танковой колонны.

Комсомольцы батареи горячо поддержали это обращение.

29 ноября обращение появилось во флотской газете. Заканчивалось оно просто и деловито:

«Мы призываем всех комсомольцев, всю молодежь Черноморского флота собрать средства на создание танковой колонны имени ЦК ВЛКСМ. Первый взнос — свыше 30 тысяч рублей — мы уже внесли. Сбор продолжается. Пусть наши средства еще больше усилят мощь Красной Армии и ускорят гибель немецко-фашистских оккупантов».

Патриотический почин комсомольцев был дружно подхвачен на флоте. Через неделю Соловьеву позвонил начальник политуправления Черноморского флота дивизионный комиссар Бондаренко:

— Молодцы твои ребята! В одном Севастополе уже больше миллиона собрано да на Кавказе не меньше. А там сбор еще только начался. Передай комсомольцам спасибо!

На одном из совещаний партийного актива Александр и Соловьев обратили внимание присутствующих на то, что краснофлотцы не берегут противогазы. В окопах, а особенно на пустырях, нередко можно было увидеть валявшейся совершенно исправную резиновую маску или фильтрующую коробку противогаса. Сумки не валялись: их приспособили для ношения патронов, гранат, перевязочных материалов, а подчас и сухарей. Необходимо было внушить краснофлотцам, что пренебрегать противогазами не следует. Соловьев решил провести одну из бесед сам. Готовился он к ней вместе с химиком батареи. Химик оказался смышленным и находчивым командиром, хорошо знающим не только свое дело, но и технологию производства противогаса. Он перечислил материалы, затрачен-

ные на изготовление противогАЗа, и подсчитал, сколько они стоят. Вооружившись этими сведениями, Соловьев пришел в роту, сформированную для защиты огневой позиции батареи.

Рота стояла на переднем крае, поэтому на беседу в землянку пришло не более двадцати человек. В просторной землянке было тепло, светло и тихо. От свежей соломЫ пахло пшеницей. На широких нарах разместились краснофлотцы и старшины. Все с противогАЗами. Однако Соловьев знал, что почти половина сумок занята патронами и гранатами. С этого и началось.

Комиссар подошел к матросу Косолапову и ощупал сумку противогАЗа. Там лежали пачки патронов, десяток галет, фляга с водой и пара индивидуальных пакетов.

— Содержимое противогАЗа выбросил?

— Так точно, товарищ комиссар, выбросил.

— Почему?

— Все выбрасывают.

— Нет, далеко не все, но кое-кто действительно выбрасывает по неосознанности. Так ведь вы, хороший воин, комсомолец, как же так получилось?

Высоченный краснофлотец нервно сдвинул на ухо подпаленную шапку, почесал затылок, попытался что-то сказать, но, увидев сердито сдвинутые брови комиссара, виновато опустил глаза, замолчав на полуслове.

— Что же получается, товарищ Косолапов, страна готовит нам оружие и другую боевую технику, а мы эту самую технику в грязь бросаем... У вас есть родители?

— Отец на войне, мать — в колхозе, звеньевая в производческой бригаде.

— Понятно, значит, хлеб для нас с вами растит...

— Выходит, что так, хлеб, ну и картошку тоже.

— Сколько трудодней надо потратить, чтобы вырастить, ну, скажем, центнер зерна в вашем колхозе?

— Да ведь какой год выдастся, ежели урожайный, то

на наших землях трех дней хватит, а если засуха, то и все пять уйдут на это дело.

— Вот, вот, пять трудодней. А знаете, сколько нужно продать зерна, чтобы оплатить стоимость противогаза «БС»?

— Не знаю, товарищ комиссар, не интересовался...

— А жаль. Четыре с половиной центнера! Выходит, что ваша старенькая мать почти месяц трудилась, чтобы обеспечить сына надежным противогазом. А сынок взял да и выбросил двадцать трудодней своей матери.

В землянке стало тихо.

— Резиновая маска изготовлена из высокосортного синтетического каучука, который, как известно, делают из спирта. По точным данным, на эту самую маску пошло полтора пуда картофеля и кило восемь зерна. Да плюс к этому труд рабочих. И эту маску, — повысив голос, продолжал Соловьев, — выбрасываете, как негодную тряпку, в грязь. Правильно это?

Аудитория молчала...

На другой день Окунев, обходивший окопы, возвратился и радостно сообщил: «Понимаете, товарищ комиссар, все разбросанные противогазы куда-то исчезли».

Хорошо была поставлена на батарее и наглядная агитация. Везде, где только можно было, секретарь партбюро и библиотекарь разместили яркие и броские лозунги. На одном из щитов, вмонтированных в стены, были написаны стихи Сергея Алымова:

Стоит Севастополь,
Хоть города нет,
Хоть город весь в пепле,
Разбит и разрушен.
Стоит Севастополь.
Гремит на весь свет
Великая слава
Громче всех пушек.

На бетоне у главного входа под массив защитники батареи начертали:

Мы в бой идем отечественный, правый.
Отчизна! Слышишь клятву сыновей —
Иль победить, иль умереть во славу
Непобедимой Родины моей!

Бывали на батарее очень тяжелые дни, когда не у каждого хватало выдержки.

Соловьев собирал политруков и секретарей подразделенческих партийных организаций и беседовал с ними. Он говорил о том, что политработник должен быть всегда среди бойцов, делить с ними все трудности.

— Надо крепко подумать, как найти путь к сердцу каждого матроса. Старайтесь занять их в свободные минуты, почитайте вслух роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Неплохо бы найти еще «Овод» Войнич. Не забудьте рассказы Горького, «Песню о Соколе». Да песен надо петь побольше, хороших патриотических песен. Выделите запевал. Не худо, если и сами подтянете.

Во время одной вылазки против наступавших немцев убило связиста — младшего лейтенанта, отца двух маленьких ребят. Его жена жила в одной деревне с женой Соловьева. Комиссар пишет в очередном письме жене: «Ты, Бронечка, сходи к ней, когда она получит официальное сообщение...

Постарайся утешить ее в таком тяжком горе. Плачьте вместе, и ей легче станет».

Видно, не зря полковой комиссар Вершинин, военком береговой обороны Крымского района, в одном из политдонесений указал, что политическая работа на Тридцатой проводилась «гибко и целеустремленно, с учетом конкретных задач, возникающих в повседневной боевой жизни».

7. В ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ ВТОРОГО ШТУРМА

Три недели фашисты штурмовали город, вводя в бой все новые части. Уже многие тысячи вражеских солдат и офицеров погибли на подступах к нему, а Гитлер все торопил и торопил Манштейна со взятием Севастополя. Но генерал-полковник Манштейн был умным военачальником. Он убедил Гитлера, что наличными силами взять город не может, что дальнейшие атаки будут бесполезной тратой сил и средств: русские так окопались, что при поддержке артиллерии батарей и кораблей их позиции стали практически неприступными. Манштейн тут был прав: его войска несли такие потери, что новые атаки уже не давали успеха. Конечно, серьезные потери были и у нас.

Гитлер согласился на отсрочку и приказал перенести штурм на середину декабря. Позже он уточнил: 17 декабря. Гитлер рассчитывал к полугодию войны с Россией взять Севастополь и тем самым восстановить пошатнувшийся авторитет фашистской армии в связи с поражением под Москвой ее лучших соединений.

Манштейн и его штаб, разрабатывая плановую таблицу штурма города, определили такие сроки: к 19 декабря занять всю Северную сторону Севастополя, 20-го овладеть Сапун-горой, 21-го — Малаховым курганом и затем всем городом, 22-го ликвидировать остатки наших войск, прижатые к морю.

Но еще в первую оборону Севастополя русские солдаты и матросы распевали песенку про одного неудачливого генерала:

Гладко было на бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

У Манштейна на бумаге тоже все выглядело гладко. Но на деле получилось совсем не так. Планы Манштейна со-

рвались. И сорвали это советские люди. Их было гораздо меньше, чем немцев, и техники у них было маловато, а боеприпасов еще меньше. Но советские воины стойко держались в этой неравной борьбе и отражали яростные атаки врага.

Почти пятнадцать лет спустя, будучи уже фельдмаршалом в отставке и консультантом американского военного ведомства, Манштейн в своей книге воспоминаний «Утерянные победы» объяснял, почему он торопился тогда со взятием Севастополя:

«Теперь перед 11-й армией стояла задача взять штурмом последний оплот противника в Крыму — Севастополь. Чем раньше будет предпринято это наступление, чем меньше времени будет дано противнику на организацию его обороны, тем больше будет и шансов на успех. И тем меньше была опасность высадки противника с моря».

Враг строил далеко идущие планы, и в этих планах роль Крыма была особенно велика. Он был очень нужен немцам как трамплин для прыжка на Северный Кавказ и дальше в Закавказье. Не овладев Севастополем, немцы не могли считать себя хозяевами Крыма. Севастополь мешал им перевозить морем войска, приковывал к себе три корпуса с огромным количеством артиллерии, очень нужной на других участках фронта. Наконец, Манштейн совершенно справедливо опасался высадки с моря.

Главный удар Манштейн решил нанести с севера. На Северную сторону, которую защищал 4-й сектор Севастопольского оборонительного района (примерно две неполные дивизии), наступал 54-й армейский корпус в составе 22, 132, 50 и 24-й пехотных дивизий, поддерживаемых отдельными танковыми и артиллерийскими частями. Скользящий удар с юга и юго-востока наносил 30-й армейский корпус в составе 72-й, 170-й пехотных дивизий и

горной бригады румын. В резерве оставалась только одна 73-я пехотная немецкая дивизия из 42-го армейского корпуса, дислоцированного на Керченском полуострове. Правда, в какой-то мере резервом можно было считать и горный корпус румын, рассредоточенный в предгорьях главного хребта для борьбы с партизанами. Такой малый резерв объяснялся тем, что враги не рассчитывали долго возиться с Севастополем. Им казалось, что трех — четырех дней вполне хватит для того, чтобы занять город.

Среди артиллерии крупных калибров, подготовленной к штурму, были орудия калибром четырнадцать и шестнадцать дюймов. На отдельных участках фронта плотность артиллерии доходила до пятидесяти стволов на километр. Особенно много было у фашистов минометов малых и средних калибров.

В своих воспоминаниях Манштейн очень хвалит 22-ю Нижне-Саксонскую дивизию во главе с генерал-лейтенантом Вольфом. Эта дивизия наступала на участке Тридцатой батареи. Это была действительно наиболее подготовленная дивизия — с кадровыми офицерами, с солдатами, имевшими большой опыт.

Такова была расстановка сил врага и его планы перед началом штурма 17 декабря. Наши силы были значительно меньше, особенно с Северной стороны. Командованию Севастопольским оборонительным районом нельзя было вывести на Северную сторону свои главные силы. Мы могли ожидать удара с любого направления: атакующий первым имеет преимущество — он выбирает направление главного удара и в какой-то степени навязывает свои условия обороняющемуся.

Рано утром 17 декабря на позиции Тридцатой батареи, так же как и на другие участки фронта, густо посыпались снаряды и авиабомбы. Только в первую половину

дня немцы сделали семь массированных налетов на город и позиции наших частей. Воздух гудел от разрывов, от гула орудийных выстрелов. С характерным шипением уносились вдаль и с адским треском лопались реактивные снаряды наших «катюш». Почти каждые полчаса над городом происходили воздушные бои. Вражеские бомбардировщики при встречах с нашими истребителями швыряли как попало свои бомбы и удирали восвояси. Но часть бомб все же достигала цели. Сотни стволов тяжелых орудий врага палили по нашим позициям, по зенитным и береговым батареям.

В этот день Тридцатой батарее приходилось вести главным образом контрбатареиную стрельбу. Корректировщики то и дело давали заявки на огонь. Стреляли спокойно, расчетливо, берегли снаряды. Уничтожили шесть крупнокалиберных батарей врага. Били и по пехоте, и по танкам, но все еще со сравнительно дальних дистанций. Примерно такая же картина была и в последующие три — четыре дня. Постепенно фронт приближался к батарее.

В эти тяжелые дни прорвались из окружения артиллеристы Десятой батарее под командованием лейтенанта О. П. Белого. Когда боезапас этой батареи был почти весь расстрелян, а пополнять его стало нечем (не только в городе, но и на флоте больше не было орудий такого калибра), командование береговой обороны приказало командиру батареи капитану Матушенко сформировать из личного состава роту и во главе ее отправиться на помощь армейской части, понесшей большие потери. Михаил Владимирович Матушенко быстро собрал личный состав, рассказал о задачах, и уже через три часа рота в полном боевом вооружении выступила на передний край.

— А ты, Олег, держись до последнего патрона, когда прикажут, взорви орудия и пробивайся на Тридцатую к Александеру, — сказал Матушенко Белому.

Лейтенант Белый заверил командира, что все будет сделано.

Группка уцелевших батарейцев, многие с повязками, иные даже на костылях, с боем прорвалась к Тридцатой. Белый доложил по телефону генералу Моргунову, что батарея взорвал и пробился из окружения. Получив разрешение остаться на Тридцатой, он пришел в каюту Александера и почти сутки отсыпался после трехдневных напряженных боев. А за это время врач Тридцатой Саул Мармерштейн оперировал тяжелораненых и эвакуировал их в госпиталь. Легкораненые остались на Тридцатой.

Им сделали перевязки, после этого они попросились на боевые посты. Батарея вела напряженные бои, и каждый человек был на счету.

23 декабря Тридцатая батарея оказалась в полуокружении. Справа и слева шли горячие бои. Немецкие танки, поддерживаемые автоматчиками, прорвались в район казарм. Пришлось снова бить прямой наводкой по танкам. Один танк, получив внутрь двенадцатидюймовый снаряд, развалился, как картонная коробка, башня его отлетела в сторону метров на пятнадцать. Другой танк был подбит крупными осколками близко разорвавшегося снаряда. Остальные быстро скрылись за бугром и уже больше в этот день не показывались в зоне обстрела батареи.

Все чаще стали возникать рукопашные схватки. Краснофлотцы и старшины дрались отчаянно. Даже тяжелораненые отказывались уходить в лазарет. Полки Приморской армии, находившиеся впереди, справа и слева батареи, таяли с каждым часом. А подкрепления подходили медленно и в количествах, совершенно недостаточных для восполнения потерь. Положение создалось исключительно тяжелое.

К середине дня стало ясно, что тех огневых точек, что прикрывают батарею со стороны Бельбекской долины и совхоза имени Софьи Перовской, недостаточно. Немцы

били из противотанковых орудий по этим точкам прямой наводкой, сами находясь в долине, вне досягаемости огня батарейных орудий.

Командир дивизиона Радовский принял решение сформировать две усиленные роты по сто двадцать — сто тридцать человек под командованием командиров башен лейтенантов Вячеслава Поля и Андрея Теличко и послать на оборону огневых позиций батареи. Командование батареями заранее подготовило для такой обороны окопы, доты и дзоты. Тот факт, что обоих командиров башен направили командовать ротами, свидетельствует о напряженности обстановки. Такой опытный командир, как Радовский, в менее напряженном положении никогда бы не решился на этот шаг.

Роты, обильно оснащенные пулеметами и в достатке обеспеченные боеприпасами, быстро заняв свои позиции, включились в бой. В эти роты пришлось послать часть бойцов и старшин из башен, погребов и электромеханического сектора. Старший инженер-механик Иван Андриенко, подсчитав свои силы, доложил командиру и комиссару, что может выделить человек тридцать.

— А механизмы, Иван Васильевич, будут работать?

— Будут, товарищ комиссар, обязательно будут!

И механизмы работали как часы. Враг наносил повреждения, но батарейцы быстро и надежно устраняли их, заменяли вышедшие из строя детали. Старший механик Андриенко, его помощник воентехник 1 ранга Рева, старшины и матросы отлично знали свое дело и умели работать в самых трудных условиях.

Взрывом вражеского снаряда в амбразуре второй башни разбilo воздухопровод, повредило электросхему, осколки ворвались внутрь и ранили нескольких бойцов. Ядовитый дым расплзался по башне, затрудняя дыхание. Матросы, надев противогазы, при свете ручных фонарей

стали быстро устранять повреждения. Орудия продолжали вести меткий огонь.

Раненый матрос Крюков после перевязки, сделанной тут же в башне, на требование старшины отправиться в лазарет отрицательно мотнул головой и неестественно громко, как всякий оглохший человек, отрезал:

— Не пойду, товарищ старшина.

Командир башни лейтенант Поль хотел вмешаться, поддержать старшину, ведь краснофлотец по существу нарушает приказ. Но, подумав, решил, что на его месте поступил бы так же, что и старшина поймет и простит такую «недисциплинированность».

Крюков чувствовал, что ответил неладно, и попросил у старшины разрешения остаться в башне. Старшина, разумеется, разрешил, и «конфликт» был улажен. Боец Крюков остался в строю, хотя был серьезно ранен.

Немцы били с коротких дистанций из орудий средних калибров, швыряли издалека тяжелые снаряды. Броня башен и бетон перекрытий выдержали много прямых попаданий, но, несмотря на это, орудия батареи продолжали вести огонь. Снаряд среднего калибра ударил в мамеринец¹ первой башни — металл расплавился, башню заклинило. Все попытки развернуть ее не удавались: перегрелись моторы, от перенапряжения выбивались предохранители, но башня была неподвижна. Под огнем врага трое краснофлотцев и старшина башни Лысенко, выбравшись на поверхность, кувалдами и зубилами срубили часть металла, двое из бойцов получили тяжелые ранения, башня снова пришла в движение.

Планы генерала Манштейна явно срывались. За десять дней штурма немцы продвинулись мало, однако врагу

---

¹ Мамеринец — место, где соединяется подвижная часть башни с ее фундаментом.

все же удалось потеснить наши части, особенно в районе Тридцатой батареи. Фронт пролегал в километре от ее северного бруствера. Положение несколько стабилизировалось.

28 декабря ночью советские войска высадились на Керченском полуострове. Фашисты сразу же сняли одну дивизию с южного крыла Севастопольской обороны и вместе с резервной дивизией бросили под Керчь. А на Северной стороне атаки продолжались с неослабевающей силой. Мало того, они неожиданно усилились. Обороняющиеся знали, что фашисты перебросили часть своих войск из-под Севастополя на Керченский полуостров, знали об их больших потерях, и новые атаки казались им бессмысленными. Так, командующий флотом и Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский 31 декабря 1941 года недоуменно говорил:

— Очень странно и нелогично. Сняли дивизию, действовавшую против нашего второго сектора, погнали ее на Керченский полуостров, потери огромные, а против четвертого сектора прут, как оглашенные. Чего они добиваются?

Манштейн в своей книге объясняет это. Когда общий штурм Севастополя не удался, Гитлер приказал во что бы то ни стало прорваться к Северной бухте с тем, чтобы, заняв этот берег, контролировать вход и выход из порта. Вот почему гитлеровское командование так упорно бросало в бой сильно поредевшие части своего Пятьдесят четвертого корпуса.

Манштейн пишет, что 31 декабря командиры дивизий этого корпуса снова доложили об огромных потерях, и он вынужден был нарушить приказ Гитлера и прекратить наступление.

Но вернемся на несколько дней назад. Особенно тяжело было драться воинам батареи 29 и 30 декабря. В этот

день немцы уже прорвались к Братскому кладбищу, надвинулась реальная угроза окружения. Батарея — стационарное сооружение, маневрировать не может, приказа об отступлении не было, значит, нужно было держаться во что бы то ни стало. Пусть кругом идет бой, по броне башен секут снарядные осколки и пули, пусть уже в казармах батареи засели вражеские автоматчики, все равно надо драться.

Генерал П. А. Моргунов несколько раз в день звонил Александеру для того, чтобы «прощупать» его настроение и настроение личного состава на случай полного окружения. Но ни разу не слышал жалоб, не уловил каких-либо элементов паники: был суровый и тревожный разговор двух командиров, понимающих сложность обстановки. Александер заверял, что все батарейцы готовы драться до последнего дыхания...

И они дрались именно так, используя все возможности для того, чтобы нанести врагу как можно больший урон.

На огневую позицию батареи матросы восьмой бригады морской пехоты притащили трофейное противотанковое орудие и два ящика снарядов к нему. Окунев с помощью этого орудия организовал атаку на свои же казармы, выделив из батареи три десятка матросов. По условиям рельефа орудия главного калибра батареи по казармам бить не могли — фашисты оказались в «мертвом пространстве». Это было очень опасно, потому что из казарменного городка простреливались подходы к батарее с тыла. Немцев поддерживали танки, выбить их из каменных домов было очень трудно. Но трофейное орудие, стреляя прямой наводкой по танкам и по домам, заставляло врагов прятаться за каменные стены. А в это время матросы подползали к казармам и швыряли окна гранаты. Уцелевшие немцы пытались бежать, но их в упор расстреливали из автоматов. Один из танков попытался выползти

из-за дома, в борт его угодил снаряд, и он загорелся. Два других уползли. Матросы батареи совместно с бойцами армейской части очистили казарменный городок от гитлеровцев.

Однако слухи о возможности окружения проникли и под массив.

Комиссар батареи собрал накоротке партийных активистов и разъяснил задачу.

— Никакой паники, окружение может быть только временное. Связь с дивизионом восстановлена, с командованием района — тоже. Внушить всем и каждому, что помощь идет: два батальона 8-й бригады уже перешли в контрнаступление. Все немцы, проникшие сегодня утром на Братское кладбище, перебиты или взяты в плен. Пленные подтверждают, что их послали в бой без пополнения, что батальоны сведены в роты, а в некоторых ротах и отделения не наберется. Везде в балках и на холмах вокруг нашей батареи валяются сотни фашистских трупов. Мы устоим. Наши орудия способны действовать, боеприпасы имеются, потери среди личного состава даже в ротах, обороняющих батарею, сравнительно небольшие.

Положение батарей было все же настолько тяжелым, что к вечеру 30 декабря пришлось сформировать еще одну роту под командованием помощника командира батареи старшего лейтенанта Окунева. Командиром первого взвода был назначен второй механик батареи воентехник 1 ранга Рева. Сразу же после выхода из-под бетона рота пошла в контратаку и схватилась с врагом врукопашную. В ход пошли штыки, приклады. Рева заколол двух фашистов и упал раненый. Зажав рукой рану, он поднялся и побежал вперед, призывая бойцов следовать за ним.

Матрос Заика застрелил одного фашиста из винтовки и схватился с другим в штыковом бою. Немец хорошо парировал удары, но Заика все яростнее продолжал тес-

нить врага. Фашист споткнулся, этим воспользовался Зайка и ударил его штыком. Фашист схватился за ствол винтовки и медленно стал оседать под ноги матроса.

Пулеметчики Медведев и Токаренко незаметно подползли к флангу фашистов, ударили длинной очередью по их неровной цепи. Враги заметались в поисках укрытия, а пулемет все бил и бил. С воплями и бранью уцелевшие фашисты откатились в ложину. Бой разгорелся по всей территории батареи. Немцы цеплялись за каждый бугорок, отсиживались в воронках, злобно и упорно принимали штыковые атаки. Вот на матроса Бригеля навалились двое. Одного он заколол быстро, а со вторым схватился в смертельной борьбе. Немец был очень сильным и уже стал душить Бригеля, когда кто-то из матросов подскочил сбоку и всадил фашисту нож между лопаток.

Сержант Ярыгин подпустил врагов на 200 метров к пулеметному гнезду, а потом спокойно, как на учении, ошарашил их длинной очередью. Немцы залегли и поползли вспять, но им во фланг открыли меткий огонь бойцы роты Окунева. Враг медленно отступал, и, как только его цепи отошли на значительное расстояние, орудия батареи дали несколько залпов шрапнелью. Убитых у фашистов сразу же прибавилось. Трупы нередко лежали по пять — семь рядом.

Бывший начальник штаба Первого гвардейского зенитного полка, ныне генерал-майор в отставке, И. К. Семенов вспоминает:

«На КП Тридцатой был наш пост ВНОС. 31 декабря я позвонил туда. К телефону подошел Окунев. Я спросил: «Как дела?» Он ответил: «В казарме и в доме командного состава опять сидят немцы. Вчера их вышибли, а сегодня на рассвете они снова заняли весь казарменный городок. Из наших орудий туда не стрельнешь:

«мертвая зона». А жаль, вижу, как фашисты ходят по городку. Дай огоньку по домам, я покорректирую. Твои пушки достанут».

Через несколько минут пять зенитных батарей открыли беглый огонь по казарменному городку. Дома загорелись, немцы забегали в поисках укрытий. Слышу, как Окунев бранится и кричит: «Так их перетак, шрапнель давайте, фашисты на улицу высыпали!» Мы, конечно, дали и шрапнель. После десятиминутного огневого налета Окунев дал «дробь», а потом рассказал, как фашисты выскакивали из окон его квартиры и падали под градом пуль и осколков».

«Хороший новогодний подарок сделали им твои зенитки, Иосиф Кузьмич», — позвонил Семенову Окунев и поблагодарил зенитчиков от имени всего личного состава батарей.

Казарменный городок был снова очищен от врагов, а его развалины заняла морская пехота и держала до середины июня 1942 года.

Борьба на поверхности шла почти непрерывно.

Внутри массива положение тоже было напряженным. Люди здесь были отгорожены от горячего боя бетоном и сталью. Стреляли в этот период уже значительно реже: пушки изнашивались и снарядов было мало. Бойцы, старшины и командиры стояли на боевых постах. С поверхности глухо доносились отголоски боя, а тут, под бетоном, стояла напряженная тишина и неизвестность, поэтому нервы людей были натянуты. В хозяйство лейтенанта Репкова, скрытое в толще горы на сорокашестиметровой глубине, с поверхности не доносилось почти никаких звуков. Мягкий матовый свет озарял многочисленные приборы, у которых в напряженных позах стояли краснофлотцы, готовые выполнить команду. Хмурый, невыспавшийся Репков время от времени спрашивал у Александра

по телефону, как дела. Тот лаконично отвечал, и снова наступала гнетущая тишина.

Изредка забегал Соловьев и рассказывал о положении наверху.

— Товарищ командир, почему стреляем мало, ведь бой же идет за наш городок?

Репков виновато смотрит на спрашивающего бойца и недовольно отвечает:

— Не знаю, командованию виднее, когда и как стрелять. Может быть, сейчас сподручнее бить врага пулей, чем снарядом.

— Тогда зачем же нам тут сидеть? Честно говоря, шибко подрасться хочется, должок фрицу отплатить.

Разговор прерывает телефонный звонок из командного поста.

— Есть, послать четверых с боеприпасами, товарищ капитан, — четко отвечает Репков. Положив трубку, он с минуту думает, потом называет четыре фамилии, в том числе и того бойца, который считал себя «должником» фрицев.

— Патронов взять по восемьдесят штук, одеться по-теплее. И драться так, чтобы наш центральный пост за вас не краснел, понятно?

— Не подкачаем, товарищ командир.

В башнях положение было сложнее. Шум боя сюда доносился явственнее, было холодно, и люди больше нервничали. В орудийных расчетах людей осталось немного, так как большая часть бойцов и младших командиров башен дралась в составе тех трех рот, которые защищали батарею на поверхности холма. Сюда сведения извне доходили быстрее, чем в центральный пост, личный состав башен воспринимал шум боя активнее и тревожнее.

— Товарищ старшина, Иван Сергеевич, почему меня не взяли в роту, разве я недостойн драться с врагом ли-

цом к лицу? — спрашивал командир орудия старшину Лысенко, заменявшего командира башни.

— А ты, Федор, и дерешься лицом к лицу. Только твое лицо не такое, как у тех, кто в ротах. Вот твое лицо, — указал Лысенко на четырехсоткилограммовый снаряд. — Плюнешь им фашисту в рожу — от него мокрое место останется. Не можем все уйти из-под бетона.

8. ДРАЛИСЬ КОКИ И ХЛЕБОПЕКИ...

Понятия о строевой и нестроевой службах совсем смешались в дни тяжелых боев за Севастополь. Дрались все, даже коки и хлебопеки. Единственный парикмахер батареи и тот брал винтовку и уходил в одну из рот. Заместитель командира по военному хозяйству старший техник-интендант Иван Подорожный командовал отдельным взводом, в который входили шоферы, кладовщики, ездовые, писаря. Подразделение Подорожного мужественно и стойко обороняло отведенный ему сектор. Подполковник запаса И. Подорожный, вспоминая об этих днях, особенно тепло отзываясь о начальнике гаража главном старшине коммунисте Иване Данилове. Это был не только меткий стрелок и искусный маскировщик, но и находчивый разведчик. Вместе с разведчиками пехотной части Данилов ходил в тыл врага за «языками». Однажды он привел молодого немца. Солдат гитлеровской армии был страшно перепуган и долго не мог говорить. С помощью словаря Подорожный и Данилов задали ему вопрос: «За кого и за что воюешь?» Немец ответил, что за благополучие родителей: они ждут от фюрера обещанной земли, которой у них сейчас очень мало.

Во время допроса в землянку зашел комиссар батареи. Услышав слово «комиссар», немец затрясся, изменился в лице и стал плакать. Соловьев заговорил с сол-

датом, и тот был удивлен тем, что матросский комиссар знает немецкий язык. Пленный почувствовал, что комиссар уважает германский народ, его культуру и обычаи. На наивный вопрос пленного, разрешается ли в плену молиться богу, Соловьев ответил, что это личное дело каждого, что пленный должен подчиняться дисциплине, честно работать, и тогда по отношению к нему будут соблюдены все международные нормы, касающиеся обращения с пленными.

После этого пленный рассказал много интересного. Потом спросил Подорожного, а все ли такие комиссары у русских? Подорожный успокоил его: все такие, иными и быть не могут.

Пленный, слышавший ранее о комиссарах совсем другое, задумался и замолчал.

Во время декабрьских боев фашисты заняли высоту вблизи центрального командного поста и стали вести наблюдение. Выбить их оттуда было очень трудно: подступы простреливались многослойным пулеметным огнем. Стрелять из башенных орудий было невозможно: высота находилась в «мертвом» пространстве. Немцы же окопались и стали рыть ходы сообщения. Потом притащили противотанковую пушку и начали бить по командному посту. Снаряды не могли пробить броню КП, но беспокойства доставляли много. То оптика сквозь амбразуры и смотровые щели засорится песком, то осколки залетят.

Однажды ночью старший лейтенант Окунев собрал небольшую группу матросов и повел штурмовать высоту. Было ветрено, штормовое море гудело, низкие тучи отражали ракетные сполохи, после которых становилось темно, как под овчиной. Немцы заметили группу Окунева поздно. Метко брошенная граната разбила пулемет врага. Короткая схватка закончилась истреблением фашистов. Подорвав дзот и сровняв окопы, разведчики вернулись к себе, захватив трофеи и одного раненого немца.

Командир и комиссар батареи, обходя боевые посты, зашли на участок Подорожного. Они поговорили с бойцами о том, как лучше держать оборону, а затем комиссар дал Подорожному листок бумаги, где было написано по-немецки «Смерть Гитлеру!»

— Выложите ночью лозунг из камней на склоне горы, обращенном к немцам, — сказал он.

Подорожный выбрал подходящее место и послал туда Ивана Данилова с группой хозяйственников. Ночью они выложили эти слова из белых камней. Каждая буква в рост человека была окрашена известью. Утром немцы начали палить по лозунгу. Они выпустили 256 снарядов, прежде чем повредили лозунг. Матросы долго смеялись над одураченным врагом. После этого почти ежедневно выкладывали саженными буквами антифашистские лозунги, и немцы аккуратно палили по ним, выпуская большое количество снарядов.

— Это нам на пользу, — говорил комиссар. — У врагов снаряды убавляются, а кроме того, пусть фашисты видят, что имеют дело с упорными людьми. Это, поверьте мне, действует на психику гитлеровцев очень хорошо.

В конце декабря фашисты, прорвавшиеся к казарменному городку, попытались сравнительно небольшими силами атаковать укрепления батареи. Одна группа немцев, засевшая в разрушенных домах, была окружена подразделением Подорожного и после короткой схватки сдалась в плен. Семнадцать пехотинцев, в том числе и унтер-офицеры, сдались хозяйственникам. Баталеры и ездовые обрадовались удаче и повели пленных на сборный пункт. Тем временем другая группа фашистов, побольше, атаковала окопы, ослабленные уходом конвоиров. В окопах было тридцать два бойца под командованием баталера вещевой части главного старшины Сандулы. Немцев было больше сотни. Сандула, умело распределив силы, дал такой плотный огонь, что половина фашистов была пере-

бита, остальные уползли обратно. В этой короткой схватке особенно отличился писарь Павлов, в совершенстве овладевший искусством меткой стрельбы и маскировки. Павлов вывел из строя не менее десяти фашистов. Позже он не раз отличался и как лихой разведчик.

Командиры и комиссары секторов (вся дуга Севастопольского фронта была разбита на четыре сектора. Тридцатая батарея территориально входила в четвертый сектор) проводили обмен боевым опытом.

Однажды на батарею пришли бойцы Приморской армии, не раз видевшие боевую работу Тридцатой. В их понимании «батарея» — это четыре орудия, четыре гусеничных тягача, несколько машин-вездеходов и самое большее — сотня людей. Красноармейцы походили по башням, погребам, поглядели на силовые агрегаты, центральный пост, на химзащиту, средства связи, помещения бытового обслуживания и говорят:

— Теперь нам понятно, почему немцы вас так ненавидят. Да тут не просто батарея, а целый подземный завод.

Один из сержантов, смерив толщу брони в боевой рубке, удивленно сообщил товарищам о результатах измерения.

— Такую рубку не пробьет даже самый большой снаряд, — сказал он.

Фашистской артиллерии и в самом деле не удалось пробить броню КП батареи, хотя прямых попаданий в него было много. Для КП была использована боевая рубка недостроенного линейного крейсера «Измаил», разобранного в середине двадцатых годов. А русская сталь исстари отличалась невиданной крепостью. Год спустя немцы в одной служебной бумаге, предназначенной для офицеров, вынуждены были признать исключительную прочность брони батареи.

Когда армейцы уходили, стихийно возник небольшой митинг. Воины Приморской армии поблагодарили моряков

за меткий и сокрушительный «флотский огонек». Командор Андросов ответил:

— Еще метче будем стрелять, дорогие товарищи армейцы. Наша сила и крепость — в боевой дружбе.

9. ЛАЗАРЕТ БАТАРЕИ

Немало врагов истребили батарейцы, но и сами несли потери. И если многие бойцы после ранения возвращались в строй, то тут была заслуга санитарной части, которую возглавлял военврач 3 ранга Саул Маркович Мармерштейн. С 5 ноября по 8 января Мармерштейн сделал 106 операций, из них 98 средних и сложных.

Фельдшера, сестры и санитары работали в очень тяжелых условиях. До двадцатых чисел декабря операционная находилась в казарменном городке, куда густо сыпались снаряды и мины.

За стенами санитарной части раздавалась частая пальба, рвались мины, снаряды, но медицинский персонал работал четко и спокойно.

Вот в операционную принесли матроса Федора Грица. Осколком мины ему перебило обе кости правой ноги — большую и малую берцовую. Военфельдшер Александра Сергеевна Айрапетова подала Грицаю стакан водки, матрос, поморщившись, выпил и лег на стол. Айрапетова и Масленникова быстро подавали нужные инструменты. Мармерштейн, облачившись в халат и надев маску, ловко и быстро извлек большой осколок.

Еще несколько минут — и швы наложены, раны забинтованы, нога «упакована» в шину. Грица бережно уносят в подземную палату, а Мармерштейн идет в приемный покой, жадно затягивается папироской и бегло заносит в книгу сведения об операции. В это время сестры готовят нового больного.

Однажды принесли корректировщика Письменного. Он был без сознания. Осколками авиабомбы была перебита голень, поврежден позвоночник, задеты почки и легкие. Казалось, раненый безнадежен. Мармерштейн в течение трех часов оперировал матроса, а через два месяца Письменный снова был в строю.

Много советских воинов спас от смерти военный врач Мармерштейн.

Но были периоды, когда весь медперсонал уходил в бой. Тогда и врач Мармерштейн шел в окопы, где каждая винтовка была на счету. Медицинский персонал не только перевязывал раненых, но и защищал их с оружием в руках.

После первого штурма операционная была переведена в бетонный блок, но работники санчасти, подбиравшие раненых, почти все время находились под огнем врага. Они оказывали медицинскую помощь не только батареям, но и воннам соседних армейских частей: в радиусе нескольких километров помещения батареиногo лазарета были единственным местом, где можно было разместить тяжело раненых и спокойно произвести сложную операцию. Назначенный впоследствии начальником медико-санитарной службы Крымского района береговой обороны, Саул Маркович и там развернул свои замечательные организаторские способности.

Санитарную часть обслуживала группа работниц хозяйственной части. Тут были уборщицы, прачки, огородницы. Эти незаметные труженицы держались стойко и мужественно. Во время напряженных боев почти всем им приходилось переносить раненых. Под бешеным огнем врага женщины подбирали тяжелораненых и несли под массив. Александр в беседе с корреспондентом газеты как-то сказал: «Что вы все ищите героев под бетоном. Вон посмотрите на работу наших санитарок, и вам сразу станет понятно, где надо их искать». Врачи армейских ча-

стей, поддерживавшие контакт с лазаретом батареи, также неоднократно отмечали самоотверженную работу женщин санитарной дружины батареи.

Почти круглые сутки работала прачечная батареи. Для лазарета постоянно требовалось чистое белье. Перевязочных материалов не хватало, приходилось стирать бинты, бывшие в употреблении. Помимо этого, прачечная стирала белье для всего гарнизона батареи и даже соседних армейских частей. Механизмы же были самые примитивные, и почти все приходилось делать вручную.

...Помещение затянато седыми клочьями пара. Пахнет содой, мылом и грязным бельем. У корыта склонилась широкоплечая женщина в матросской тельняшке. Лицо мокрое от пота, непокорные волосы вылезают из-под марлевой косынки и слипшимися прядями падают на потный лоб. Здесь трудится Феодосия Ивановна Иванова, чуть подальше — ее сестра Галя, за Галей — Александра Харламская, Ольга Гелуниди, Феня Решняк, Маша Капыш. Одни стирают белье, другие отжимают и носят его в сушилку. Лица сосредоточенно серьезные, нет улыбок — сегодня был тяжелый день, большие потери, работницы уже все узнали от подруг. Да некоторые из них и сами сегодня утром носили раненых под бетон.

С большим уважением относились войны батареи к заведующему подсобным хозяйством батареи Евстафию Петровичу Чернявскому. Этот пожилой человек мог уехать из Севастополя или хотя бы из района батареи. Но Чернявский оставался на посту до последних дней борьбы за Севастополь и погиб как воин. В винных подвалах совхоза имени Софьи Перовской прятал он коров от бомбежек и артиллерийского огня. Он запас для них корма почти на целый год. Однажды артснарядом ранило корову, ее прирезали на мясо... «А может, и остальных宰режем, Евстафий Петрович?» — спросил комиссар. Чернявский рассердился: «А где же я для раненых молоко

стану доставать?» Свежим молоком лазарет батареи был обеспечен до последних дней.

С помощью бойцов и работниц подсобного хозяйства Чернявский к июню 1942 года вырастил такое количество редиски и зеленого лука, что мог снабжать свежей зеленью почти целую дивизию Приморской армии.

Зимой, когда Александр получил, наконец, весточку от жены, работник подсобного хозяйства Шакай подошел к Подорожному:

— У командира батареи родился сын. Я отыскал в совхозе цветы, надо подарить Александру и поздравить с сыном.

На дворе в это время была суровая зима со снегом и морозами до 15—18 градусов. Букет живых цветов был тщательно завернут в одеяло и доставлен в каюту Александра. Командир растрогался, спустился к домикам подсобного хозяйства и расцеловал Шакаю.

...К вечеру 31 декабря враг стал медленно отходить под яростными ударами морских и армейских пехотинцев. Однако, выйдя на правый берег реки Бельбек, фашисты закрепились, и выбивать их оттуда было уже нечем, да и некому: наши войска тоже понесли большие потери. Линия фронта пролегла в полутора километрах от батареи и стабилизировалась почти на полгода.

Фашистская армия несколько сузила кольцо осады, заняла некоторые выгодные высоты. «Но это было слабым утешением, если учитывать понесенные жертвы», — сетует Манштейн в своих воспоминаниях. А жертвы были действительно очень большими. Манштейн говорит, что к концу декабря только в симферопольских госпиталях было более десяти тысяч раненых. Но мы знаем, что ранеными были забиты Бахчисарай, Евпатория, плодо-ягодный совхоз у станции Альма и все прифронтовые деревни.

По самым скромным подсчетам, а Соловьев и Александр всегда очень скромно оценивали свои боевые успехи,

Тридцатая батарея перебила и ранила в дни второго штурма Севастополя не менее тысячи человек, превратила в лом десятки орудий, сотни автомашин. Немалый урон понесла и сама батарея. Дело не только в людских потерях: стали выходить из строя орудийные стволы, сквозь которые прошла почти тройная норма снарядов. Необходимо было срочно менять стволы.

10. СМЕКАЛКА И ГЕРОИЗМ

В тесном кабинетике генерала Моргунова шло небольшое совещание. Рядом с Моргуновым — военный инженер первого ранга Андрей Андреевич Алексеев, один из крупнейших специалистов по установке артиллерийских систем. Алексееву и Донцу было поручено разработать проект замены стволов Тридцатой батареи. Ознакомившись с проектом, Моргунов заявил:

— Проект хорош, но должен обрасти деталями, расчетами отдельных производственных операций. А для этого надо посоветоваться с народом — с мастерами, рабочими, матросами, старшинами. Расширенное совещание по плану замены стволов проведем завтра прямо на батарее, в десять ноль-ноль. Еще раз продумайте все ваши предложения, посоветуйтесь со слесарями и такелажниками артмастерских тыла. Предупредите их о завтрашнем совещании. Пусть покрепче подумают, дело очень серьезное...

...В кают-компании батареи собрались командиры, инженеры, политработники, мастера артиллерийского дела. Руководили совещанием генерал-майор Моргунов и комиссар береговой обороны флота полковой комиссар Вершинин. Каждый из присутствующих понимал, что разговор будет конкретный, и почти все прибыли с готовыми предложениями.

— Дело предстоит очень трудное, — сказал Моргунов. — Надо срочно менять все четыре ствола Тридцатой.

Один поврежден снарядом. Андриенко отрезал поврежденную часть автогеном, но ствол все же безнадежно испорчен. Три других ствола расстреляны «до ручки». Стрелять из них на дальние дистанции уже совсем нельзя. Военный совет приказал срочно поставить запасные стволы. На Тридцать пятой один ствол уже заменили, следовательно, некоторый опыт у нас есть.

Правда, тут менять будет потруднее, чем на Тридцать пятой. Тут враг рядом — в полутора километрах. Трудности очень большие, но они преодолимы. Самое главное для нас — быстрота. Техническая норма для замены всех четырех стволов с помощью специального крана — шестьдесят суток. И это при условии, что не будет помех. Менять надо, это неизбежно, но менять так, чтобы немцы об этом не подозревали. Скрытность строжайшая, работать только в темноте. Ночь сейчас длинная. Ее надо использовать с максимальной пользой. Технические нормы нас совершенно не устраивают. Мы должны сменить стволы гораздо быстрее, ну, скажем, в месячный срок. Сменить без крана: кран сильно поврежден бомбами и снарядами, чинить его нет смысла, да и демаскировать будет. Надо строго продумать весь порядок замены. Если потребуется срочно что-либо укрыть, сразу же ставить дымзавесу. Вынули настоящий ствол — ставь декоративный из фанеры, листового железа. Пусть немцы считают, что вывели батарею из строя.

Вслед за Моргуновым стали высказываться командиры, инженеры, такелажники. Много ценных предложений внесли сами батарейцы. Они согласились с Моргуновым, что сроки можно сократить почти вдвое, заверили, что каждый из них будет работать за троих. Их поддержал начальник артиллерийской мастерской Васильченко.

Оригинальное предложение внес мастер по установке артиллерийских систем Семен Иванович Прокуда. На

основании тщательных расчетов и измерений, проведенных им совместно с Алексеевым, Донцом, Сергеевым, он пришел к заключению, что можно вынуть старые стволы и поставить новые, не снимая полностью броню крыш башен. Это значительно сократило бы весь процесс работ.

В конце совещания генерал-майор Моргунов, оглядывая его участников усталыми глазами, сказал:

— Чтобы успешно выполнить намеченные работы, нужны железная выдержка, упорство и дисциплина, самая суровая и беспощадная дисциплина осажденной крепости. Малейшее нарушение маскировки — и вся работа, потребовавшая нечеловеческого напряжения и немалых жертв, пойдет насмарку. Это должен понимать каждый краснофлотец. И тут без хорошо организованной политической работы нам никак не обойтись. Мне нравится хорошая, подлинно комиссарская хватка Соловьева. Крепкие у вас и секретарь партийного бюро Коломейцев, и политруки башен и пятой боевой части. Нам нужна не только храбрость, ею теперь в Севастополе уже никого не удивишь. Нужна выдержка, дисциплина, находчивость, инициатива и самоотверженный труд каждого воина.

Командование предложило закончить работы к первому марта. Но на партийных и комсомольских собраниях решили заменить стволы к 24-й годовщине Советской Армии.

На переборках появились лозунги:

«Закончим работу к 24-й годовщине РККА!»

«Самоотверженным трудом на благо Родины укрепим боевую мощь Севастополя!»

Каждый день подводили итоги работы, подразделения соревновались между собой. Был объявлен сбор радионализаторских предложений. Матрос Попов пришел к комиссару батареи с предложением несколько изменить форму катков, с помощью которых подтаскивают тело

орудия к башне. Комиссар позвал механиков, и те подтвердили, что предложение заслуживает внимания.

Много смекалки было проявлено при прокладке нового железнодорожного пути для подвоза стволов. Ствол двенадцатидюймового орудия весит пятьдесят тонн. Для него нужны специальные платформы. Железнодорожную колею на полтора километра проложили за несколько ночей. Люди работали почти без сна и отдыха.

Демонтаж произвели быстро.

В ночь на 30 января паровоз подтащил к подножью холма первую платформу с телом орудия. Было тихо, вывездило. Темноту ночи прорезали пулевые трассы, медленно падали на капроновых парашютах зеленые ракеты. Фашисты не жалели ракет, но все же полуторакилометровое расстояние мешало им заметить движение на холме. У химистов были приготовлены дымовые шашки, чтобы в случае необходимости закрыть батарею.

Когда платформа вылезла на вершину холма, тендер паровоза сошел с рельсов. Позже выяснилось, что незадолго до этого рядом с полотном упала крупная броневая бомба, воронку от нее кое-как засыпали, но грунт утрамбовать не успели. Сырая и вязкая земля под давлением тяжести паровоза поползла, шпалы покосились, и тендер увяз в грунте. Положение было очень тяжелое. Скрыть от немцев паровоз с платформой невозможно. Вернуть платформу с телом орудия обратно в лошину — тоже: паровоз загородил дорогу.

Платформу буквально на руках подтащили к башне. Не обошлось без «Дубинушки». И хотя море глухо гудело и шум прибоя заглушал звуки, пели ее вполголоса: слишком опасно было бы обнаружить себя. Если бы враг что-нибудь заметил, он мог бы без особого труда вывести беззащитную батарею из строя. Вот почему комиссар ходил между рядами матросов, тянувших канаты, и приговаривал:

— Потише, ребята, потише, вполголоса...

Мощные тягачи, зацепив тросами старые стволы, очень быстро и почти без шума вытащили два из них наружу. Теперь надо было убрать паровоз.

Поднимать паровоз послали Андриенко с группой матросов. Провозившись несколько часов, группа Андриенко поставила паровоз и тендер на рельсы, вскоре он зашипел и потащил платформу прочь от холма. Сразу всем стало легче. Даже сырой, пронзительный ветер показался не таким резким. На следующую ночь был доставлен второй ствол и убран еще один старый.

Немцы молчание батареи истолковали по-своему. Они доложили начальству, что батарея надолго выведена из строя прямыми попаданиями бомб и снарядов. Фашистская ставка даже наградила кое-кого из своих летчиков и артиллеристов за подавление форта «Максим Горький» — так гитлеровское командование называло Тридцатую батарею.

Смена стволов не всегда шла гладко. И тут спасала положение матросская смекалка. Однажды сломалась важная деталь орудия, запасной на складе не было. Матрос Петрусов, измерив пострадавшую деталь, в течение двадцати двух часов изготовил новую. Командир вначале не мог этому поверить. Но это было так. Деталь исправно служила до последних дней батареи.

Рабочие артиллерийской мастерской порта неделями не уходили домой. Они трудились вместе с матросами по восемнадцать — двадцать часов в сутки, стараясь досрочно ввести в строй орудия батареи. Матросы дивились: когда, например, этот пожилой плотный человек, Семен Прокуда, успевает отдыхать. Всю ночь работал вместе с матросами, с рассветом ушел под бетон, умылся, позавтракал, хватил «фронтные сто граммов» и снова копается в механизмах.

— Семен Иванович, а спать когда будете? — спросит кто-либо из командиров.

Тряхнет головой упрямый рабочий человек, блеснет из-под косматых бровей молодыми глазами и отделается соленой шуткой. Бригада Прокуды буквально творила чудеса. Не меньших успехов добилась и бригада ленинградского завода «Большевик», возглавляемая орудийным мастером Иваном Сечко.

Бригады Прокуды и Сечко ремонтировали и восстанавливали орудия и на других батареях, в несколько раз перекрывая довоенные технические нормы. Рабочие здесь были не просто мастерами своего дела. Их мастерство сочеталось с мужеством, физической выносливостью, смекалкой и высоким духовным творческим подъемом, типичным для советских людей, защищающих свою Родину.

Во время работы курить строго запрещалось. Заядлые курильщики очень страдали от этого и нередко одолевали командиров просьбами разрешить «подышать хотя бы в рукав». Но вскоре убедились, что это бесполезно. Для «курцов» была выделена глубокая землянка, где, как на баке корабля, горел фитилек и стоял обрез с водой для окурков. В землянке-курилке делились новостями, рассказывали о письмах, полученных из дому, о настроениях в тылу и о многих других вещах, о которых принято разговаривать на фронте.

Однажды немцы заметили что-то подозрительное и открыли по огневой позиции батареи частый огонь из крупнокалиберных минометов. Они, видимо, стали догадываться, что на батарее идут какие-то работы, и решили проверить это огнем. Одновременно в воздух поднялись немецкие разведывательные самолеты. Взрывами мин кое-где повредило или сорвало маскировку. Враг мог увидеть, что происходит замена стволов. И вот под бешеным огнем фашистских минометов небольшая группа матросов появилась на вершине холма и стала быстро исправлять по-

врежденную маскировку. Тем временем наши истребители прогнали фашистские самолеты.

8 февраля немцы начали палить по батарее с раннего утра. Дымзавеса не помогала: высота была так пристреляна немцами, что снаряды и крупнокалиберные мины ложились точно по огневой позиции батареи. Деревянные детали маскировки сгорели, сетка — тоже, а работы уже приближались к концу. Оставалось поставить ствол только в одну башню, в которой вместо настоящего ствола торчал бутафорский. В его стенках из листового железа появилось много пробоин. В оптические приборы (а оптика у них была первоклассная) немцы могли заметить это. Среди разрывов, в желтом дыму, грязные, закоптелые краснофлотцы метались по бугру, восстанавливая то, что так легко разрушал враг. Взрывы снарядов, свист и шипение раскаленных осколков, падающих в грязь, смешанную с мокрым снегом, стоны тяжелораненых, крики старшин, руководивших работами, — все это сливалось в какой-то зловещий клубок звуков, давило на психику бойцов.

На помощь пришли армейские и флотские батареи. Десятки стволов слали врагу грозный и беспощадный огонь. Особенно хорошо помогал армейский артиллерийский полк полковника Богданова.

Вот все реже и реже стали залетать на батарею фашистские снаряды, а вскоре враг и совсем прекратил огонь. На поверхность холма вышли десятки новых бойцов. А санитары и санитарки на окровавленных носилках все несли и несли убитых и изувеченных людей. Вот пронесли тело краснофлотца Сей, бойца Кравченко с закрытым плащ-палаткой лицом. Погиб и рабочий-слесарь Григорий Вулейко. Медленно ползли под бетон раненые, способные передвигаться. Казалось, дрогнет и сердце человека с самыми крепкими нервами. Но на батарее были люди крепче стали, каждая новая жертва лишь усиливала священную ненависть к врагу.

Работы близились к концу. Уже к 10 февраля командир дивизиона провел последние проверки и доложил командованию о готовности батареи открыть огонь из всех орудий. Свое обязательство досрочно заменить стволы батарейцы и рабочие выполнили с честью. А через два дня на батарею прибыл Военный совет флота и командующий Приморской армией Иван Ефимович Петров.

Когда стемнело, состоялся митинг личного состава. Вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский заявил:

— Если бы до войны какому-либо профессору сказать, что за шестнадцать суток без применения специальных кранов артиллеристы и рабочие заменят стволы такой батареи, как ваша, у профессора очки полезли бы на лоб от удивления... Вы — не только храбрые воины, вы совершили еще и трудовой подвиг, равный которому трудно найти в истории. Вы — чудесные русские умельцы, способные делать такие дела, какие не под силу нашим врагам. Вот почему мы уверены в том, что победим фашистов. С такими воинами и мастерами мы можем и должны победить врага...

Объявив благодарность и премировав наиболее отличившихся, Военный совет уехал на флагманский командный пункт, а батарея продолжала свою будничную работу. Октябрьский пока запретил стрелять.

— Надо беречь боеприпасы, — сказал он Александру, — пусть немцы остаются в приятном заблуждении, что батарея выведена из строя.

Вскоре приказом командующего флотом некоторым офицерам батареи были присвоены новые звания. Александр стал майором, Окунев — капитаном. Десятки воинов были награждены орденами и медалями. Семен Прокуда — орденом Ленина, инженер тыла Андрей Алексеев и оружейный мастер Иван Сечко — орденами Красной Звезды. Первый дивизион, куда входила батарея, стал гвардейским. Это была большая радость для батарейцев,

свидетельство того, что Родина, партия ценят их боевые дела.

На митинге, посвященном этому событию, воины поклялись еще крепче бить врагов.

В архивах, к сожалению, не сохранилось подробного отчета об этом митинге. О нем известно со слов участников этих событий.

— Высокое и почетное звание гвардейцев обязывает нас бить врагов еще крепче и беспощаднее, — сказал Александр. — Мы воюем как будто неплохо, растем, учимся, но ведь и враг не стоит на месте, он тоже учится. Мы должны учиться быстрее и лучше врагов, это наша обязанность гвардейцев. Батарейцы Тридцатой с честью выполняют свой долг перед Родиной. Они готовы на любой подвиг во имя ее интересов.

Выступали комиссар батареи, командир башни, старшина, двое краснофлотцев, рабочий артмастерских. Их слова были обращены к Коммунистической партии, к матери-Родине, к советскому народу.

Резолюций не писали, приняли коротенькое письмо, клятву И. В. Сталину, в котором обещали драться так, как требует партия, бить врага мужественно и умело, не жалея своей жизни.

...Вечером, когда все, кроме дежурных на боевых постах, разошлись отдыхать, Соловьев снова засел за письмо жене и сыну. Писал он теперь только на открытках, по опыту зная, что они доходят до адресата наиболее быстро и надежно.

«Здравствуй, моя дорогая Бронечка! Здравствуй, мой незабвенный Лека-Морока...

Я здоров, воюем, награжден орденом. От нашей квартиры, как и от всего городка, остался... «один адрес» — так эти мерзавцы разрушили его с воздуха и артогнем. Зато и они немало поплатились своими головами (и еще

поплатятся!), так что и теперь валяются за городком. Ничего, моя Курныпонька, скоро этим «чистокровным» будет так жарко, что многие еще оставят здесь свои проклятые головы навсегда. В этом убежден и уверен каждый из нас... По тебе и Коке соскучился ужасно, хотя прекрасно знаю и верю, что вы также скучаете не меньше меня. Ну потерпите, во всяком случае осталось меньше ждать...».

Бронислава Иосифовна бережно хранит открытки мужа, написанные мелким, убогим почерком.

11. ПЕРЕД ТРЕТЬИМ ШТУРМОМ

Между вторым и третьим штурмами был период относительного затишья. Комиссар Соловьев, секретарь партбюро Коломейцев, члены бюро и политруки подразделений использовали каждую минуту свободного времени для бесед, политических информационных, радиопередач, выпуска стенных газет, организации концертов.

Светлым мартовским вечером, когда в воздухе еще довольно прохладно, а от земли, нагретой весенним солнцем, тянет теплом, неожиданно приехала группа артистов-москвичей: Валентина и Семен Светловы, Маргарита и Гораций Балабан, Наталья Исаенкова, Юзеф Юровецкий.

Комиссар Соловьев собрал политруков подразделений и потребовал разделить весь личный состав батареи на две группы, чтобы все бойцы побывали на концерте.

— Подумайте, товарищи, — говорил Соловьев. — Сколько трудов стоило перебросить артистов сюда в Севастополь. И артисты, видать, хорошие, раз к нам, на передовую приехали. Они согласны повторить свои номера для второй смены. Ни один боевой пост не может быть ослаблен, а люди все же должны послушать артистов. Начало концерта через сорок минут. Соблюдать строжайшую дис-

циплину и порядок. Надеть все чистое. Каждый должен понимать, что артисты к нам из самой Москвы прибыли. И наш внешний вид должен соответствовать случаю.

...Ленинская комната под массивом не может вместить всех желающих. Поэтому многие стоят в коридоре у открытой двери и не видят артистов. Однако и они аплодируют не менее яростно, чем те, кто внутри тесноватого помещения. Артисты — в ударе. Работают с душой, понимают, для кого. Почти каждый номер идет на «бис».

Первый концерт закончился. Усталые артисты пьют чай с печеньем, изготовленным батарейными коками, и похваливают его. Подорожный сияет от удовольствия: он любит, когда хвалят его подчиненных, а после концерта идет на камбуз:

— Печенье и вообще харч сегодня «на пять» с плюсом. Сама артистка, та, что пела, ужасно хвалила. Во! — И Подорожный показывает большой палец.

Немцы в этот день молчат, и после небольшого отдыха артистов люди на боевых постах сменяются, и концерт идет с тем же успехом.

Но бывало и не так. Однажды днем поблизости от приехавшей концертной группы Дома флота разорвался снаряд тяжелого орудия и поднял высокий столб земли и дыма. Пришлось срочно увести артистов под массив. Вскоре прилетел еще один такой снаряд. Батарея стала отвечать, а артисты сидели в толще каменной горы и ожидали перерыва. Но когда кончилась стрельба, налетели самолеты, опять пришлось бежать в бомбоубежище. Потом немцы снова начали стрелять из орудий средних калибров по окопам в районе батареи. Так и сидели артисты до наступления темноты. Только поздним вечером они все же дали концерт.

Командование гарнизона понимало, что близится третий штурм города, что враги сосредоточили на подступах к нему огромное количество техники. В Крым был пере-

брошен восьмой авиакорпус генерала Рихтгофена — опытного фашистского летчика. Его асы бомбили Лондон, Ковентри, Бирмингем, штурмовали английские войска в Ливии. Это был цвет фашистской авиации. Около тысячи различных самолетов приготовили гитлеровцы для штурма. Количество артиллерии под Севастополем утроилось.

Концерт в районе батареи.

Манштейн, описывая подготовку к штурму, отмечает: «В целом во второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь». Разумеется, Манштейну не было смысла преувеличивать свои силы. По его словам, под Севастополем было 93 батареи тяжелой артиллерии и артиллерии большой мощности, 88 батарей средних и легких калибров, 24 батареи тяжелых (многоствольных) минометов и несколько полков артиллерии ПВО. «Среди батарей артиллерии большой мощности, —

пишет Манштейн, — имелись пушечные батареи с системами калибра до 190 мм, а также несколько батарей гаубиц и мортир калибра 305, 350 и 420 мм. Кроме того, было два специальных орудия калибра 600 мм и знаменитая пушка «Дора» калибра 800 мм».

К весне наше положение в Севастополе существенно ухудшилось. Наступало чудесное крымское лето, когда месяцами стоит ясная, а следовательно, лётная погода. Для немцев это было очень выгодно, для нас — очень плохо. Имея господство в воздухе, фашисты могли бомбить любой транспорт, проходящий в Севастополь. Ночь была настолько короткой, что транспорт не мог затемно подойти к городу или выйти из него. И если в городе его с воздуха прикрывали наши самолеты, то в открытом море тихоходные транспорты защищать уже было гораздо труднее, и гитлеровцы массированными налетами авиации нередко топили их. Боевые же корабли не могли подвозить нужное количество грузов, да и не каждый корабль можно было послать без прикрытия истребительной авиации. Подвоз боеприпасов, продовольствия и живой силы резко уменьшился. В течение зимы завезли немало боеприпасов, оставалось кое-что и из довоенных заготовок. Но война опрокинула все расчеты. Снарядов, например, требовалось в несколько раз больше, чем давал тыл флота. Особенно много требовалось зенитных. Если в ноябре — декабре на два снаряда врага мы отвечали в среднем самое меньшее снарядом, а иногда и двумя, то теперь соотношение сил было уже другим. На пять снарядов врага мы могли ответить только одним. Причем с течением времени соотношение сил изменялось в пользу немцев.

Все это отчетливо понимало командование севастопольского гарнизона, готовясь к отражению третьего штурма. Вот почему Военный совет флота решил, не скрывая трудностей дальнейшей обороны, подготовить к ним коммунистов. Коммунисты должны помнить, что враг может на-

пасть внезапно и большими силами, поэтому все части должны быть в постоянной боевой готовности.

26 мая состоялось общепатрульное партийное собрание с повесткой дня «О задачах коммунистов по защите батареи». Доклад делал Соловьев. На собрании присутствовал комиссар береговой обороны флота В. С. Вершинин. Такие собрания проводились во всех частях севастопольского гарнизона.

Собрание проходило в подземной кают-компании. Собрались все коммунисты, свободные от вахт и дежурств. Соловьев окинул взглядом широкую комнату с диванами и мирными пейзажами на стенах. Непривычная тишина свидетельствовала о том, что разговор пойдет о делах не совсем обычных. Все события последних дней убеждали в том, что приближается третий штурм. Врагу удалось вытеснить наши войска с Керченского полуострова. Потери наших войск в боях на Керченском плацдарме были больше, чем у немцев. Теперь они могли высвободить значительную часть войск с Керченского полуострова для штурма Севастополя. Армейские разведчики сообщили, что перед фронтом батареи стоят не только части Двадцать второй дивизии, но и другие фашистские части, которых раньше здесь не было, в том числе танковая дивизия и много новых артиллерийских частей и подразделений.

Задача оставалась прежней — стоять насмерть, драться до последнего патрона и даже последний патрон использовать против врага. Так было в течение всех семи месяцев обороны, так надо было действовать и сейчас.

С этого и начал свой доклад старший политрук Соловьев.

— Быть постоянно начеку. Беречь боеприпасы, укреплять батарею со всех сторон, помня, что, может быть, придется драться в окружении, — призывал Соловьев. — Особое внимание — наземной обороне. Надо еще больше

углубить окопы, ходы сообщения, отрыть больше землянок с бетонными перекрытиями. Искуснее маскировать все объекты. Сил у врага побольше, боеприпасами он пока богаче нас. Но у нас тоже есть, чем бить врага, есть воля к победе, к сокрушительному отпору фашистам. Нас меньше, но мы не слабее. Мы сильны своей сплоченностью вокруг партии. Мы — гвардейцы, а это обязывает ко-многому. Враг хитер — мы должны быть хитрее его. Враг хорошо подготовлен для боя — мы должны еще лучше подготовиться, чтобы дать ему отпор. Наши пушки стреляют хорошо, но мы должны стрелять еще лучше. Мало еще, гвардейцы, у нас ненависти к врагу, той жгучей священной ненависти, которая должна быть у каждого советского воина, защищающего свое социалистическое Отечество. Мы должны мстить фашистам за все их злодеяния, за многие тысячи жизней советских людей, замученных в фашистских застенках, за обездоленных и ограбленных отцов и матерей, братьев и сестер, попавших в неволю к захватчикам. Коммунисты должны быть передовыми воинами в бою и в труде. На вас равняются беспартийные, вы задаете тон во всей боевой деятельности нашей батареи. Вы должны быть самыми дисциплинированными и умелыми воинами. А у нас далеко не все гладко. Народ у нас смелый, на любой подвиг готов, но подчас не хватает дисциплины.

— А если, — голос комиссара зазвенел, — если нам придется драться в окружении, то будем биться до последнего человека, до последнего патрона. Не хватит патронов — будем драться штыками, трофейным оружием, но с места не сойдем. Тридцатая батарея не сдастся врагу. Лучше смерть, честная, благородная смерть в бою, чем плен. Нам будут швырять листовки с предложением сдаться, будут кричать в рупора, звонить по телефонам. И мы, коммунисты, и все остальные воины должны отве-

чать врагу только огнем, только смертью за смерть советских людей...

— Я клянусь, — говорит коммунист Гришко, — что буду драться за батарею до последнего дыхания, до последней капли крови...

— Мой брат погиб в боях за Ростов, — говорит старшина Ковалевский. — Я клянусь отомстить за погибшего брата и драться до тех пор, пока мои руки в состоянии будут держать оружие, а глаза — видеть...

— Помните подвиг краснофлотца Золотоверхова? — напомнил Александр. — Боец расстрелял все патроны, израсходовал гранаты, а из боя не вышел. Разил врагов штыком, бил прикладом. Его дважды окружали фашисты, нанесли три пулевых и четыре колотых раны, а Золотоверхов все бил и бил врагов. Он истек кровью, упал, потеряв сознание. И только после этого товарищи вынесли его из боя. А как он вел себя в лазарете? Совершенно правильно Мармерштейн сказал, что «с такими богатырями нельзя не победить». Но ведь Золотоверхов обыкновенный человек, и такими обязаны быть все.

Говорят матросы, старшины, командиры... Общий смысл выступлений: стоять насмерть, в плен не сдаваться, бить врага до последнего дыхания, помня всегда и всюду святые слова военной присяги.

Решение собрания было написано в форме клятвы Родине, партии. Моряки клялись с честью выполнить свой воинский долг. Текст решения был размножен и вывешен на видных местах по всей батарее.

М. И. Калинин отмечал, что в тяжелые моменты на фронте неизбежно усиливается приток заявлений о приеме в ряды партии. Так было и на Тридцатой батарее. С 1 по 17 июня 1942 года здесь приняли в партию двадцать три человека и в комсомол — тринадцать. В преддверии грозных испытаний беспартийные воины стремились подчеркнуть свое единство с партией и комсомолом.

«В бой хочу идти коммунистом, — писал в своем заявлении комендор Рига. — Не пожалею своей крови и жизни для того, чтобы добиться победы над врагом». И Рига сдержал слово. Когда в районе башни возник пожар, он первым выскочил на бруствер и под жесточайшим огнем врага вместе с другими бойцами ликвидировал пожар.

По коммунистам равнялись комсомольцы, составлявшие значительную часть личного состава батареей.

Результатом партийно-политической работы на батарее был высокий боевой дух воинов. Люди не считались с временем и опасностью для жизни. Углубляли окопы, ходы сообщения, рассредоточивали боеприпасы, продукты, воду, старались еще лучше, надежнее замаскировать батарею и окопы вокруг нее.

Старшины Данилов, Калашников, Лысенко, Кузьмин, Кирпичев, Бурунов вместе с матросами заново отремонтировали все механизмы своих заведений, подготовив их к действию в трудных условиях.

Командир, комиссар, заместитель командира по военному хозяйству повседневно заботились о питании воинов, систематически пополняли запасы продуктов. Подорожный с помощью матросов и старшин Зайцева, Арояна, Евженко, работниц подсобного хозяйства Федосьи Решняк, Гали Науменко и других посадил картофель на землях совхоза имени Софьи Перовской, лук, редиску, огурцы. Семена доставали в Севастополе и привозили с Кавказа. Работали днем и ночью. Нередко фашистские самолеты бомбили огороды. Заведующий подсобным хозяйством Е. П. Чернявский дни и ночи проводил в заботах о поливке и прополке овощей. Первые зеленые продукты — лук и редиска — уродились настолько обильно, что хватало не только личному составу батареей, но кое-что перепало и соседним армейским частям. Десятки корзин с зеленым луком были отправлены в госпитали.

12. МОРТИРЫ „КАРЛ“ И ПУШКА „ДОРА“

Однажды Александр услышал, как где-то близко от командного поста разорвался очень большой снаряд. Земля дрогнула, зазвенели приборы управления огнем. Вскоре грохнули еще два сильных взрыва, но уже подальше от КП, ближе к башням.

— Бьют какими-то новыми снарядами, — решил командир. Вскоре прогремел еще один взрыв, а вслед за ним послышался сильный удар о землю, за которым уже не последовало взрыва.

Александр молча поглядел на Соловьева.

— Один, кажется, не разорвался, так, Георгий Александрович?

— Думаю, что так, надо посмотреть, что за штука к нам прилетела.

— Наверняка немцы что-то новое придумали. Уж очень сильные удары.

Через полчаса огневой налет прекратился. Соловьев и Окунев вышли из-под массива на холм. Все кругом было вспахано тяжелыми снарядами. В районе казармы догорали остатки бани, несколько матросов пытались тушить огонь, но смысла в этом уже не было. Тяжелый снаряд разрушил здание изнутри, остались только закопченные стены с зияющими провалами окон.

«Придется армейцам свою баню строить», — подумал комиссар. В батарейной бане последнее время мылись главным образом бойцы армейской части. Личный состав батареи чаще пользовался душем внутри горы.

Неразорвавшийся снаряд был необычно велик. Баллистический наконечник при ударе о землю отвалился, но и без наконечника снаряд был длиннее двух метров. Окунев смерил калибр — 610 миллиметров.

Двадцать четыре дюйма! Да, таких снарядов еще не было на свете.

— Судя по количеству снарядов в залпе, — рассуждал Окунев, — немцы палили из двухорудийной батареи. Надо обнаружить эту батарею и «дать ей дрозда».

Неразорвавшийся снаряд 610-мм мортиры.

— Искать, упорно искать, особенно новые ветки, — торопливо заговорил комиссар. — Сейчас доложим Моргунову и Октябрьскому. Они включают в это дело авиацию, партизан, войсковых разведчиков. Найдем, обязательно найдем и грохнем. Наши снаряды, правда, поменьше, но если накроем, немцам не сдобровать. Разнесем любую батарею.

— Все это правильно, — подтвердил Окунев, — но раньше чем «грохнуть», надобно найти эту проклятую батарею. Думаю, что это мортиры. А это, комиссар, посложнее. Сам понимаешь, мортиры немцы могут поставить за крутым обратным скатом высоты. Они-то будут палить и доставать нас, а мы их — нет. Наши снаряды будут перелетать. А вот насчет того, что наши снаряды поменьше, то тут тоже, к сожалению, правда. Ведь калибр-то у них вдвое больше нашего, а это практически означает, что вес такого «поросенка», — Окунев ткнул носком ботинка в блестящий бок снаряда, — больше нашего снаряда раз в шесть — семь.

— Что же, он около двух тонн весит?

— Пожалуй, не меньше...

Сквозь рваные облака вынырнули семь «юнкерсов» и один за другим стали пикировать на огневую позицию батарей. Где-то сбоку зачастили зенитные автоматы. Помкомбат, комиссар и четверо бойцов, бывших с ними, бросились в укрытие. И едва захлопнулась за ними тяжелая стальная дверь, как взрывы потрясли холм. Одна из тяжелых бомб взорвалась над бетонным перекрытием. Противоосколочный накат из рельсовых балок, двухметровый слой железобетона и три метра земли выдержали чудовищное напряжение. Страшной силой взрыва разбросало землю, обнажило бетон и выщербило в нем небольшую лунку.

Хорошо потрудились курские и орловские мастера, строившие батарею. Умелыми руками приготовленный и мастерски уложенный бетон выдержал удар бомбы, весившей тонну.

Под вечер Александр вышел поглядеть на неразорвавшийся снаряд, но на месте его зияла воронка с опаленными краями. Командир вначале было рассердился, подумав, что над ним подшутили. Но тут же понял, что снаряд мог сдетонировать. Чтобы проверить свое предполо-

жение, Александр связался с комиссаром, уточнил, где лежал снаряд, и окончательно убедился, что его взорвала бомба.

— Звони Моргунову и Файну, чтобы не приезжали смотреть этот снаряд, объясни, что сдетонировал. Пусть подождут другого. Обязательно будут: у немцев взрыватель довольно часто не срабатывает.

Двое бойцов, сопя и чертыхаясь, несли донную часть разорвавшегося снаряда. Она поражала своей величиной. Александр на глаз определил — не меньше двадцати четырех дюймов. Донная часть при взрыве отвалилась целиком, отсюда Александр сделал вывод, что снаряд бетонобойный, а следовательно, взрывчатого вещества в нем немного. «Значит, специально для нас подвезли, проверяют крепость бетона и нервов. Хорошо, правильно воюем, ежели они такие пушки вынуждены тащить сюда, под Севастополь!..»

Вскоре из Москвы был получен запрос: насколько достоверны сведения о двадцатичетырехдюймовых орудиях. Нет ли преувеличения? Комиссар рассердился и приказал сфотографировать рядом со снарядом инструктора политотдела Крымского района береговой обороны Калинина. К этому времени вокруг батареи валялось уже несколько таких неразорвавшихся снарядов. На обороте снимка Соловьев написал: рост старшего политрука 180 см.

Один неразорвавшийся снаряд Подорожный отвез на грузовике в артиллерийскую лабораторию, свалил его около здания, но внутрь закатить не смог. Лабораторное начальство было занято другими делами. Когда немцы заняли Севастополь, то разоружать свой снаряд не стали, а когда уходили из города, им было не до него. Разоружили этот снаряд только осенью 1957 года.

В 1943 году, когда в руки наших войск попали некоторые документы фашистской ставки, выяснилось, что

стреляли две 610-мм экспериментальные мортиры типа «Карл». О другой экспериментальной артиллерийской установке калибром 800 мм в этих документах не упоминалось. О ней сообщали немецкие пленные, но точных данных не было. Наши пленные, возвратившиеся после войны в Севастополь, говорили о каком-то чудовищном снаряде, который вначале не разорвался, но потом сдетонировал от близкого взрыва.

Бывший командующий береговой обороной флота генерал Моргунов даже сомневался в наличии у немцев такого орудия.

Но полную ясность внес сам фельдмаршал Манштейн в своей книге «Утерянные победы». В книге этой много неправды, автор подчас злобно клеветает на советских воинов, но преувеличивать свои силы Манштейну не было смысла, поэтому в данном случае ему можно поверить. Можно поверить еще и потому, что впоследствии удалось обнаружить и кое-какие снимки деталей этой пушки.

Манштейн пишет, что это гигантское экспериментальное орудие, называвшееся «Дора», было доставлено под Севастополь по приказанию самого Гитлера. Командовал орудием генерал-майор. Под его начальством находилось более полутора тысяч человек. Только для прикрытия с воздуха держали в постоянной боевой готовности два дивизиона зенитной артиллерии. Сотни вагонов обслуживали эту чудовищную пушку. Энергию для нее вырабатывал специальный энергопоезд, два поезда перевозили боеприпасы, для деталей разобранного орудия тоже требовался целый поезд. Кроме этого, сотни платформ везли готовые смонтированные железнодорожные пути, по которым должно было потом двигаться это чудовищное сооружение. Длина ствола орудия — тридцать метров, лафет достигал высоты трехэтажного дома. Снаряд весил около четырех тонн.

Почему понадобилось такое орудие?

KONSTRUKTEUR

Так выглядела пушка «Дора» (по рисунку из немецкого журнала).

Все другие виды осадной артиллерии оказались бес-
сильными против русских башенных батарей, хотя, по сло-
вам Манштейна, помимо еще двух 24-дюймовых мортир,
под Севастополем было несколько сот тяжелых орудий ка-
либром 11, 12, 14 и 16 дюймов.

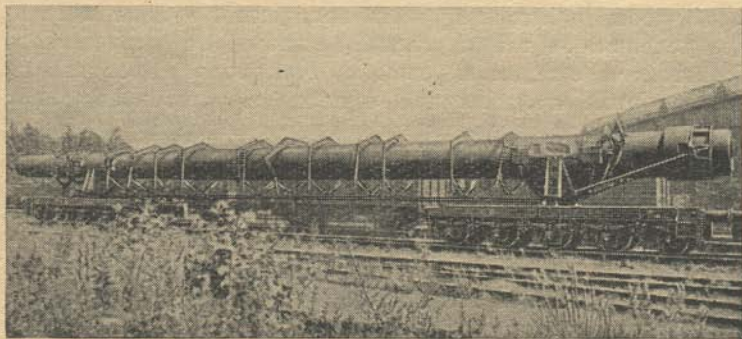
— Ваши батареи словно заколдованы, их ничем не взять, — говорил на допросе пленный фашистский лейтенант.

800-мм «Дора» была предназначена именно против Тридцатой и Тридцать пятой батарей. Немцы полагали, что бетон или броня не могут устоять против четырехтонного снаряда и, добившись нескольких прямых попаданий, они выведут из строя любую из этих батарей. Но для того, чтобы добиться прямых попаданий, нужны идеальные условия. А таких условий артиллерия осажденного Севастополя немцам не давала. Как только раздавался выстрел этой сверхмощной пушки, ее местонахождение очень быстро засекала наша инструментальная разведка и к месту выстрела сразу же летели снаряды все той же Тридцатой батареи. Она была ближе всех к знаменитой «Доре», и поэтому ее выстрелы были наиболее опасными для сверхтяжелой пушки.

Однажды тяжелый снаряд «Доры» угодил в камбуз батарейного городка. На месте приземистого одноэтажного здания вырос высокий столб дыма и пыли, озаренный багровым пламенем. От камбуза осталась только широкая воронка. В башни врагам долго не удавалось попасть. Попадания в бетонные перекрытия были чаще, однако бетон выдерживал.

Одна башня от выстрела «Доры» все-таки пострадала. Косой скользящий удар обрушился на ее крышу. Багровая вспышка пламени, треск взрыва — и сквозь едкий дым уцелевшие воины увидели в рваной пробоеине кусок синего неба. Тяжело ранены были командир и политрук башни, пало смертью храбрых несколько бойцов, убиты или ранены все наводчики и замочные. Вентиляция быстро выгнала дым. Люди осматривались, готовясь устранить повреждения, заменить товарищей, вышедших из строя. Раненые не стонали, только просили пить. Санитары быстро уносили их. Аварийная группа начала уста-

навливать новые приборы управления огнем. Командир и комиссар батареи, осмотрев повреждения, тут же стали прикидывать, кого поставить во главе поврежденной башни. Через несколько часов полностью восстановили электросеть, старший механик Иван Андриенко приготовил аппаратуру для электросварки. Вскоре башня снова вошла в строй.

Ствол «Доры» длиной 30 м перевозили на трех железнодорожных платформах (фото из немецкого архива).

Знаменитая «Дора» явно не оправдала себя. Если учесть огромные затраты на создание этого экспериментального орудия и людские потери, понесенные немцами при введении его в бой, игра не стоила свеч. И не случайно в своих воспоминаниях Манштейн сокрушается: «В целом эти расходы, несомненно, не соответствовали достигаемому эффекту». Сверхпушка, как называли «Дору» немцы в своих документах, не смогла пробить советский бетон, не сломила боевого духа батарейцев. По словам Манштейна, снарядом «Доры» был взорван склад боепри-

пасов. Можем прямо сказать: Манштейн по меньшей мере ошибся, а возможно, и сознательно искажил истину. Не было такого взрыва. Вернее, взрыв был, но виновник его — комсомолец-минер Александр Чекаренко, ценой своей жизни он взорвал склад боеприпасов, когда немцы заняли территорию Сухарной балки.

Не добились успеха артиллеристы такой же пушки и под Ленинградом. Там фашистам даже не удалось сделать ни одного выстрела. Разведчики и партизаны быстро обнаружили установку гигантского орудия, доложили в штаб, а вскоре на это место обрушились десятки авиабомб и сотни снарядов. Станина, компрессоры, прицельные приспособления — все было выведено из строя. И фашистам ничего не оставалось делать, как погрузить останки орудия и увезти в Германию.

Создание таких гигантских орудий, приспособленных для стрельбы по сильно укрепленным фортам и складам, было, несомненно, большим достижением немецкой военной промышленности. Конструкторы, инженеры, рабочие проделали огромный труд, но цели не достигли. Налицо был разрыв между техническими возможностями германской промышленности и шаблонной тактикой немецко-фашистской армии.

Гитлеровскому командованию казалось, что, чем больше калибр пушки, тем эффективнее ее действие. В пушке все было продумано до мельчайших деталей. Орудие довольно быстро приводилось из походного в боевое положение (примерно за сутки) и не требовало специальных бетонированных оснований для стрельбы. Оно действительно было чудом техники. Но это «чудо» оказалось бессильным сломить волю защитников города.

13. НАКАНУНЕ ПОСЛЕДНЕГО БОЯ

Шестого июня вечером Александр, Соловьев, Окунев, связист Пузин, Подорожный и Андриенко вышли из-под

массива покурить. Кое-где еще полыхало багровое пламя: догорал Севастополь — город, сковывавший под своими стенами Одиннадцатую армию фашистов. Эту армию немцы готовили для летнего наступления, а здесь, на подступах к городу, севастопольцы постепенно перемалывали ее. Враг непрерывно гнал сюда резервы и боеприпасы, нужные ему на других участках фронта. Фашистская пропаганда много шумела насчет весеннего и летнего наступления. Но весна прошла, а наступления все не было: враг нес слишком большие потери, которые не сразу мог восполнить. Обороняя Севастополь, защитники города существенно влияли на положение всего Южного фронта, оттягивали начало летнего фашистского наступления. В своих отчетных документах немецкое командование впоследствии вынуждено было признать, что длительная оборона Севастополя весьма существенно отражалась на общем положении Южного фронта.

Было сравнительно тихо. Где-то в районе Мекензиевых гор рвались мины, а тут, на изрытой бомбами и снарядами земле, было совсем мирно. Казалось, и войны нет. Батарейный дизель мерно выбрасывал серый дымок, быстро тающий в темно-синем ночном небе. Со стороны моря доносились глухие звуки прибоя. Где-то внизу, в районе винных подвалов совхоза имени Софьи Перовской, надрывно гудели моторы санитарных машин, перевозивших раненых.

— Ну как, Иван Васильевич, дизеля твои не подведут, топлива хватит?

— Товарищ комиссар, топлива надолго хватит, а люди выстоят. Только бы не допустить немцев на огневую позицию батареи. Если допустим — крышка. Забьют выхлопные трубы, вентиляторы, дизельные воздухозаборники, и тогда вся моя энергетика полетит к черту.

— А на аккумуляторах долго продержимся?

— Если не расходовать энергию на большие моторы — долго, недели на две, а может, и больше хватит...

— И то хорошо, — вздохнул Соловьев.

Комиссар знал: стоит соседям податься назад хотя бы на два — три километра — батарея окажется в окружении. Наши три поредевшие роты, защищающие батарею, долго не удержат.

— Кажется, все предусмотрено, а вот болит душа, чего-то нам не хватает, — не унимался Соловьев. — Не кажется ли тебе, Иван Васильевич, что мы кое-что прохлопали в организации нашего механического хозяйства. Надо было заранее продумать размещение дизелей так, чтобы их выхлопные устройства постоянно держать под обстрелом. Грош цена будет нам, если фашисты залезут наверх и забьют глушители и воздухозаборники.

...Потом заговорили о Севастополе. Окунев в этот день побывал в городе, видел разрушения.

— Города уже нет, — сказал он. — Спалили зажигалками. Швыряют уже вторую неделю каждый день десятки тысяч. Их тушат, но не хватает сил и средств. Сотни очагов пожара возникают одновременно, где уж тут погасить. Сыплет и сыплет без удержу. Уже и гореть-то больше, кажись, нечему, а он все швыряет и швыряет. На днях запустил бомбы-свистульки. К каждой бомбе привязан этакий ревун, который издает пронзительно воющий звук. Пытается на психику действовать, но ничего, привыкли. А вчера сбрасывали разное барахло. Колеса от старых машин, бороны, плуги, железные кровати, пустые бочки с кусками железа в них. Урон небольшой, а шуму много. Бойцы называют эти самолеты «утильщиками».

— Сегодня кое-что сыпанули и к нам, — заметил Александр. — Опять «дура» стреляла. Армейские и наши разведчики доносят, что у фашистов по ходам сообщения двигаются люди, больше чем обычно. Вероятно, подошли

подкрепления. Эх, нам бы еще один батальончик пехоты для прикрытия батареи, дали бы мы фрицам прикурить!

— А может быть, товарищ командир, подбросят? Позавчера еще один большой транспорт приходил с народом.

— Потопили его сегодня, людей погибло много.

— Эх, ребята, мстить надо злее. Бить их, проклятых зверюг, чтобы ни им, ни кому другому неповадно было ходить на советскую землю. — Александр сжал кулаки. Таким комиссар видел его нечасто...

Они служили вместе недолго, но это не мешало им прекрасно понимать друг друга. В свободные минуты они любили побеседовать между собой и с товарищами. Разговор обычно шел о положении под Севастополем и на других фронтах, нередко касался и общеполитических тем.

Их судьбы были не схожи: Г. А. Александр прошел обычный путь советского артиллерийского офицера. После окончания артиллерийского училища он сначала — командир огневого взвода, помощник командира батареи, затем — командир открытой береговой батареи у Балаклавы. Эта батарея значительное время была одной из лучших в береговой обороне Черноморского флота. Через два года молодого командира батареи послали на курсы усовершенствования артиллерийских командиров. Александр окончил их с высокими отметками.

В 1938 году Александр принял Тридцатую батарею. Ее командиры — Донец, Панюшкин, а затем Свердлов — опытнейшие флотские артиллеристы, проделали большую работу, чтобы сколотить крепкий боевой коллектив воинов. Александр пришел не на пустое место, батарея и до него была на хорошем счету. Под командованием Александра батарея с каждым годом наращивала успехи в боевой и политической подготовке.

Ермил Кириллович Соловьев был назначен на батарею перед самой войной, и сразу же ее личный состав почувствовал в нем опытного политического работника. За

плечами у него был уже немалый опыт партийной работы в одном из одесских райкомов партии. Призванный на флот по партийной мобилизации, он был послан на краткосрочные политкурсы флота, которые окончил отлично. Работа в качестве заведующего отделом пропаганды и агитации райкома наложила свой отпечаток на всю его дальнейшую деятельность. Соловьев умел душевно поговорить с каждым воином, доходчиво и просто объяснить сложный вопрос. Широкий политический кругозор помогал ему быстро находить общий язык с любым собеседником. А это в сочетании с недюжинными организаторскими способностями создавало комиссару непререкаемый авторитет подлинно большевистского руководителя, слово которого никогда не расходится с делом.

...Ночь была тихая, сухая. Легкий бриз тянул к морю запахи полыни, чебреца, мяты и взрывчатки. Редкие ракетные сполохи сильнее подчеркивали темноту южной ночи.

Где-то за станцией Бельбек грохнул тяжелый взрыв, на мгновение осветив горизонт багровым заревом. А потом опять тишина и далекий, далекий перестук пулемета.

— Видать, партизаны сработали, — сказал кто-то, — а может быть, и наши разведчики...

Подышав свежим ночным воздухом, друзья направились к стальной тяжелой двери, медленно открыли ее и вошли внутрь бетонного блока батареи. Здесь был все тот же привычный гул работающих вентиляторов, откуда-то издали доносился глухой рокот дизеля. Плафоны под металлическими сетками струили ровный матовый свет. Пахло сыростью, какими-то лекарствами и порохом. Воины батареи еще не знали, что завтра на рассвете начнется третий штурм Севастополя.

Придя в кают-компанию, комиссар решил созвать политуков, секретарей партийных организаций и агитаторов. Инструктаж был очень кратким. Рассказав о поло-

жении под Севастополем и на других фронтах, комиссар сказал:

— Чую, ребята, что вот-вот начнут штурмовать. С воздуха они уже бомбят Севастополь десятый день. Сегодня больше всего бомбят и стреляют по боевым порядкам войск. Это неспроста. Видать по всему, пришла пора еще раз померяться силами с врагом.

Старшина башни Лысенко, выражая мысли всех присутствующих, ответил:

— Товарищ комиссар, мы просим доложить командованию, что весь личный состав батареи готов совершить любой подвиг во имя Родины.

Когда все распоряжения были сделаны, Соловьев и Александр снова вышли на воздух, обошли боевые посты вне массива. В дотах и дзотах, в открытых стрелковых ячейках бесменно дежурили пулеметчики. Ближе к противнику расположились наблюдательные посты разведчиков с ракетами наготове. Высоко в небе барражировал наш истребитель. С далеких курганов рванулся в сторону моря голубой меч прожектора и сразу же потух. Войдя под бетон, Александр глубоко вздохнул: «Сосну часок» — и направился в узенькое чистое помещение, именуемое по-морскому «каютой командира».

Соловьев сел на край скамейки в ленинской комнате, достал из противогаза чистую открытку и стал писать:

«Вот уже месяц, как от тебя ничего не имею, по вае безумно соскучился. О себе могу сообщить, что мы наш город обороняем восьмой месяц. Ждем с каждым днем нового наступления. Бой предстоит жестокий, но мы все, защитники героя города, твердо уверены в нашей победе. Фашистские мерзавцы уже положили в боях не менее восьмидесяти тысяч своих головорезов, а теперь положат не меньше, если не больше. Мы поклялись нашему народу, Родине и т. Сталину, что будем защищать свой город до последнего дыхания, пока будут глаза видеть, а

руки держать оружие. В общем, золотая моя, если меня убьют, то знай, что я погиб в этом бою не как трус, а как патриот своей любимой Родины, за наш народ, за женщин и детей, за тебя, и за моего любимого Коки. Будь же здорова, не унывай, победа будет за нами. Целую вас крепко, всегда твой Ермил».

14. В БЛОКАДЕ

*Тысяча немцев на сотню идет,
Сотня героев с тысячей бьется.
Севастополец
В бою не сдает;
Он умирает,
Но не сдается.*

С. Алымов.

Рано утром 7 июня немцы начали наступление по всему Севастопольскому фронту. Сотни самолетов бомбили передний край, тысячи орудий извергали огонь и сталь на раскаленную землю, политую кровью. Три часа длилась артиллерийская подготовка и бомбежка с воздуха. По свидетельству самих немцев, они выпустили в этот день десятки тысяч снарядов и сбросили 7500 фугасных и бронебойных бомб. Казалось, никакие укрепления не выдержат такого огня, все живое будет сметено с лица земли.

Вот артиллерия врага перенесла огонь по тылам, а из немецких укрытий поднялись автоматчики и, пригибаясь к земле, устремились вперед. Вначале врагу показалось, что с защитниками города покончено, но вот из окопов русских раздались ответные очереди и отдельные винтовочные хлопки. Они нарастали, и уже трудно было выделить одиночные выстрелы: все загудело, зарычало в каком-то бешеном шквале разнородных звуков. Многие немцы падали, но это не удерживало остальных. Им обещали длительный отдых после взятия города, и солдаты,

подгоняемые унтерами и шнапсом, рвались к изрытой снарядами оборонительной полосе русских воинов. Фашисты что-то кричали, подбадривая друг друга, падали, ползли, стонали от злости и боли. И вдруг сквозь треск выстрелов раздавались крики «ура»; в сером дыму поднимались грозные серые и черные фигуры советских солдат и матросов. Они шли со штыками наперевес, швыряли на ходу гранаты, кричали «полундра» и упрямо шагали навстречу врагу. Их было гораздо меньше, чем немцев, но их контрудары были так стремительны и неожиданны, что фашисты, не выдержав ярости моряков и армейцев, поворачивали вспять. Им неслись вдогонку все те же гранаты и пули, все та же «полундра» и какие-то еще другие непонятные слова сердитой матросской и солдатской ругани.

Позиционная война, длившаяся несколько месяцев, приучила немцев бояться защитников Севастополя, особенно тогда, когда они идут в контратаку. Но самыми страшными для врагов были слова «ура» и «полундра». Немцы заметили, что «ура» кричат все, а «полундра» — только моряки. Однако на этот раз трудно было понять, кто моряк, а кто пехотинец: «полундра» кричали почти все. Пехотинцы в серых от пыли гимнастерках и таких же примятых, пропитанных потом пилотках прямо на глазах превращались в матросов. Снимет на ходу солдат пилотку, сунет торопливо ее в сумку противогаза, а оттуда достает матросскую бескозырку, за ним другой, третий, и вскоре большая часть пехотинцев — в бескозырках. По рядам немцев ползет удивленный шепот: «матрозен», «матрозен».

Первые атаки захлебнулись сразу же. Людские волны, поредевшие от пуль, штыков и гранат, откатились в старые берега. В бой были введены резервы, их тоже перемололи. Потом долго и нудно била по окопам фашистская артиллерия, штурмовали истребители. Опять оберы и унтеры подгоняли подвыпивших солдат, ошалевших от

жары, запаха крови и дыма, от страшных потерь, от вида зияющих штыковых ран. Фашистские танкисты боялись каждой воронки, окопа, хода сообщения. Подойдет танк к нашим окопам, постреляет и уходит поскорее обратно: из каждой воронки могут подлететь к гусеницам машины связка гранат или бутылки со страшной жидкостью, вспыхивающей рыжим пламенем, которое самим танкистам потушить невозможно.

Тридцатой батарее в этот первый день штурма пришлось раз десять менять цели. Она была по резервам и батареям врага, по его танкам и бронетранспортерам, дважды стреляла прямой наводкой по пехоте. Батарея явно мешала наступлению фашистов, и они выпустили в этот день по небольшому холму ее огневой позиции более семисот снарядов. Среди них были всякие, в том числе и один неразорвавшийся 800-мм снаряд. Матросы медленно обходили длинный и толстый снаряд и рассуждали о том, какой же величины должно быть орудие, выпустившее его.

Но вот кто-то крикнул: «Воздух!» — и матросов словно ветром сдуло. Заработали зенитки, раздался давно знакомый и уже порядком надоевший свист, затем — глухие взрывы. Когда кончился налет, снаряда уже не было. Он сдетонировал от близкого взрыва.

Вечером комиссар готовил выступление для радиогазеты. В эти дни она имела особенно большое значение. Во всех отсеках батареи были репродукторы, и каждый матрос с нетерпением ждал последних известий о положении на фронтах Отечественной войны и в Севастополе. В этот день батарея не получила газет. Рассыльного, который нес почту, еще утром убило снарядом. Собирать людей для полтинформаций было невозможно. Люди стояли на своих постах в бронированных отсеках, весь день слышали грохот боя, а каковы его результаты — не знали. Информация по радио являлась для них единствен-

ной связью с внешним миром. Поэтому Соловьев подготовил подробное сообщение. Читал он сам. Его ровный, уверенный голос ободрял батарейцев в тяжелые минуты.

Комиссар говорил о том, что враг в течение дня не продвинулся вперед, хотя потерял много тысяч солдат и офицеров. Комиссар зачитал обращение Военного совета флота, призывающее защитников Севастополя стойко держать город.

Едва только Соловьев закончил передачу, как коррективщики доложили о двух новых тяжелых батареях немцев. Командир уточнил данные, и вскоре тому ночи прорезало восемь вспышек залпов. Батареи врагов были сметены, и больше с тех холмов, куда кучно упали снаряды Тридцатой, не раздалось ни одного выстрела.

Утром атаки повторились с новой силой. Батарея по-прежнему быстро меняла цели, швыряя тяжелые снаряды туда, где наиболее остро требовалась помощь нашей пехоте. В книгу боевых успехов были занесены еще три спаленных танка, разбитая батарея, взорванные паровоз и семь вагонов. Но в этот день врагу опять, как и в декабре, удалось приблизиться к батарее.

Снова начались бои за городок. Вскоре сюда на помощь армейской части был переброшен батальон морской пехоты из бригады генерал-майора Жидилова. Командир батальона разместил свой КП в развалинах городка и чуть не поплатился за это жизнью. Немцы окружили КП, и только находчивость и смелость старшины 1-й статьи Русанова и главного старшины Богданова спасли командование батальона. Богданов и Русанов со своими матросами подползли к двум фашистским противотанковым пушкам, перестреляли их расчеты, захватили вполне исправные орудия и два ящика со снарядами. Моряки повернули трофейные орудия против немцев, окруживших штаб батальона, и стали в упор расстреливать их.

Фашисты вначале пытались спрятаться в развалинах домов, залечь, но осколки настигали их и в окопах; стены же разрушенных зданий не являлись препятствием для снарядов. Если было мало одного, Богданов посылал в то же место второй, третий. Стены рушились. Окруженные в домике командир и комиссар батальона расстреливали бегущих немцев. Командир батальона Гегешидзе, комиссар Турукин, Богданов, Русанов вынесли раненых связистов и присоединились к своим. Их радостно встретил командир Седьмой бригады морских пехотинцев генерал-майор Жидилов. У Евгения Ивановича Жидилова был такой стиль руководства бригадой: где наиболее тяжело — там надо побывать самому. В районе Тридцатой батареи было в этот день особенно жарко, вот почему генерал оказался именно здесь, хотя штаб бригады был на той стороне бухты, в помещении бывшей дачи Максимова. Жидилов распорядился побыстрее вынести раненых к пристаням Северной стороны, а сам продолжал руководить боем уже далеко не полного батальона. В нем было не более двух рот, но какие это были роты!

Батальон морских пехотинцев храбро и умело прикрывал Тридцатую батарею. Его минометчики, возглавляемые младшим лейтенантом Пятецким, также нанесли немалый урон врагу. Только мин оставалось мало. Пулеметчики батальона вместе с пехотой отбивали в день по восемь — девять атак, но силы моряков таяли. К 12 июня в батальоне осталось меньше роты, и он отступил.

Стойко держались также солдаты, сержанты и офицеры 90-го стрелкового полка Приморской армии, оборонявшие батарею. Стрелки и пулеметчики этого полка дрались с такой яростью и упорством, что немцы называли полк «проклятым». Полк нес тяжелые невосполнимые потери. А враг все наращивал силу ударов. К немцам регулярно подходили людские пополнения, поезда с боеприпасами. Фашистские автоматчики, медленно вгрызаясь в землю,

проникая все дальше и дальше к югу, обтекали батарею справа и слева.

В первые же дни третьего штурма немцы стали выпускать по батарее сотни снарядов в сутки; они сбросили с самолетов более сотни крупных фугасных и бетонобойных бомб. Боевое напряжение нарастало и в последующие дни.

Последние газеты батарейцы получили 12 июня, а затем круг замкнулся. Гитлеровцы вскоре обнаружили подземный кабель, связывающий батарею с дивизионом и городом. Они разрыли его, перерезали и подключили свои телефоны, по которым день и ночь упрямо предлагали сдаться. Какой-то немец, неплохо знавший русский язык, надоедливо требовал, чтобы на батарее убили комиссаров и подняли белый флаг. Соловьев послушал, подошел к телефону и сказал: «Брось болтать о сдаче, все равно не сдадимся. Бить вас будем, а потом и до Берлина дойдем». Немец не засмеялся, видимо, его очень озадачило такое заявление. В самом деле, после года такой тяжелой войны русские, окруженные со всех сторон, собираются еще идти на Берлин. Немец стал расспрашивать Соловьева о том, кто он и какими полномочиями располагает. Немец уверял, что генерал-полковник фон Манштейн дарует жизнь всему составу батареи и немедленно прикажет отступить в тыл на отдых, что немцы уважают осажденных за храбрость. Комиссару наскучила эта болтовня, и он высказался, не соблюдая международных правил вежливости.

Линия фронта постепенно передвигалась все дальше и дальше к югу от блокированной батареи. Отсутствие телефонной связи с городом и штабом сильно мешало корректировке, но батарея все же продолжала стрелять по ближайшим целям.

Прошла целая неделя. Немцы несколько раз пытались взять батарею, но, потеряв сотни человек, не достигли цели. Они поставили несколько гаубичных батарей, недоступных обстрелу орудий «тридцатки» вследствие настиль-

ности ее огня, и упорно долбили своими снарядами броню и бетон. Каждый день сотни снарядов тяжелых калибров снова и снова перепахивали гору, откалывали щебенку от бетона, рикошетировали от брони башен. В башнях от раскаленных осколков, залетающих в амбразуры, возникали пожары. Горела пробковая изоляция. Матросы и старшины быстро и умело боролись с огнем. Иногда башню заклинивало. Крупные стальные осколки застревали в щели между броней и бетоном. Вот на поверхность массива с ломами и кирками выскакивают старшина башни Грущак, матросы Глухов, Кирпичев. Под градом осколков и пуль они ломают бетон, извлекая осколки. Закоптелая башня, испещренная царапинами осколков и снарядов, наконец, медленно поворачивается. Натужно гудят электромоторы, передвигая по горизонту страшные еще орудия. И едва Грущак со своей командой успевает нырнуть под бетон, как орудия башни снова извергают два языка пламени, и снова с рокотом вдаль несутся снаряды.

На седьмой день штурма два орудия вышли из строя. Но два еще вели огонь, хотя снарядов оставалось совсем мало; стреляли также зенитные полуавтоматы и минометы, оставшиеся на огневой позиции батареи. Пулеметные точки врагам тоже долго не удавалось захватить. Батарея продолжала бой в тылу врага. Мало того, батарейцы ночью сделали вылазку и перебили десятки фашистов уже в рукопашных схватках. Правда, они и сами почти все погибли, но смерть каждого матроса обошлась врагам в несколько человек. Тогда немцы решили разделаться с непокорным гарнизоном батареи, которая мешала им, приковывая к себе значительные силы.

Александр и Соловьев, не имевшие надежной связи с дивизионом (радиоаппаратура вышла из строя, телефон был перерезан немцами), решили послать на прорыв Ивана Подорожного с небольшой группой бойцов. Подорожный подобрал трех матросов: химиста Мажугу, элек-

трика Дегтярева и пулеметчика Колбина. Командир батареи приказал:

— Передайте командованию, что полки 95-й дивизии оттеснены... Мы окружены, снарядов почти не осталось, прорваться из окружения очень трудно, будем драться до последнего человека, отвлекая противника на себя. Будем держаться до прибытия подкрепления, боеприпасов для стрелкового оружия пока хватает, попытаемся драться и трофейным...

Командир и комиссар поцеловались с Подорожным, пожали ему руку.

— Ты, Иван, — везучий. Под Качей прорвался в прошлом году — и здесь пробьешься. Скажи Моргунову и Вершинину, что батареицы Тридцатой выполнят свой долг, — сказал Соловьев. — Захвати вот эту открыточку жене, опусти в почтовый ящик в Севастополе.

Открытка написана наспех красным карандашом, датирована 16 июня.

Позже выяснилось, что Соловьев в эту же ночь должен был возглавить группу прорыва в несколько десятков человек, вооруженную ручным оружием и гранатами. Комиссар вывел эту группу из-под бетона, но немцы так густо наставили пулеметы у всех выходов из-под массива, что группа растаяла в течение нескольких минут. Тяжело раненного Соловьева уцелевшие бойцы унесли под бетон. Здесь его раздробленную руку пришлось отнять, что и сделал врач, сам получивший серьезное ранение.

Когда открытка дошла до жены и сына в Актюбинскую область, Соловьева уже не было в живых.

Подорожный и трое краснофлотцев рассчитывали на внезапность. Их расчет оправдался полностью. У главных бронированных дверей батарейного массива фашисты держали пулеметы и противотанковые орудия для стрельбы в упор. У башенных дверей немцев было меньше. Тяжелая дверь башни открылась внезапно, и в немцев полетели

гранаты не только отважной четверки, но и других моряков, обеспечивавших прорыв. Расчеты фашистских пулеметов были перебиты или оглушены, а когда подоспели новые, Подорожный и трое бойцов оказались уже вризу, в совхозном винограднике. По ним стреляли, но густой виноградник скрыл храбрецов. Через несколько часов, выдержав три схватки с немецкими заставами, Подорожный соединился с нашими частями. С КП армейской дивизии он по телефону доложил генерал-майору Моргунову о положении батареи. Но Моргунов уже не мог ей помочь.

В эти тяжелые дни батарейцы получили текст телеграммы И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий поставил героизм севастопольцев в пример всей Советской Армии, всему народу. По поводу телеграммы в отсеках и на боевых постах провели краткие беседы.

Защитники батареи, оставшиеся в живых, вспоминают, что это были дни высокого политического подъема. Люди гордились тем, что Родина отметила их ратный труд.

Фашистское командование назначило генеральный штурм батареи на 17 июня. По данным немцев, взятым из официального отчета, для штурма форта «Максим Горький № 1» были сосредоточены два батальона 213-го полка, 132-й саперный полк, 123-й пехотный полк и один батальон

Техник-интендант 1 ранга
И. Т. Подорожный.

173-го саперного полка. Это почти целая дивизия! Начав штурм рано утром 17 июня, немцы только к полудню 18 июня сумели подавить внешние огневые точки, потеряв при этом сотни человек и выпустив до двух тысяч снарядов и мин. Оставшиеся в живых бойцы из внешних огневых точек укрылись внутри батареи так же, как и воины 95-й дивизии Приморской армии, оказавшиеся в окружении. Всего под бетон ушло вместе с ранеными до четырехсот человек.

Два уцелевших орудия продолжали стрелять последними снарядами. Израсходовав все боевые снаряды, пустили в ход учебные болванки. Они тоже быстро кончились, остались только холостые заряды. Но и холостой выстрел 12-дюймового орудия на расстоянии сотни метров все же опасен.

Чтобы заманить фашистов под холостые выстрелы, пришлось их обмануть. Командир башни после одного прямого попадания в броню, не причинившего вреда, нарочно задрал один ствол вверх, а другой вниз, имитируя выход башни из строя. Немцы осмелели и высыпали на бруствер. В это время командир быстро навел орудия на фашистских автоматчиков и дал залп. Ближние были разорваны на куски, те, что подальше, — контужены. Таково было действие холостого выстрела.

Наконец кончился и порох. Остался только тол. Его берегли, чтобы подорвать, если понадобится, башни. Враги снова и снова пытались уговорить батарейцев сдаться. Звонили по телефону, подбрасывали листовки, но тщетно. Куда бы ни сунулись фашисты, из амбразур по ним хлестали пулеметные очереди. Похоронные команды немцев не успевали убирать трупы.

Постепенно выходили из строя и защитники батарей. Внутри бетонного массива начались пожары. Появились отравленные угарным газом. Люди устали, но бой продолжался. Озверевшие враги решили любой ценой разде-

латься с батареей. Они лили в выхлопные отверстия дизелей жидкий бетон, засыпали их землей, а в грибки вентиляторов запускали шипящие струи из огнеметов. Враги действовали расчетливо и упорно, зная, что судьба Севастополя уже решена, что в ближайшие дни блокированный гарнизон батареи не получит помощи и без воздуха, в дыму огнеметов не сможет долго продержаться.

Но помощь все же была послана. Командир дивизии приморцев, уже потерявшей три четверти личного состава, выделил небольшую ударную группу, чтобы вывести из окружения батарейцев. Усталые, запыленные красноармейцы и командиры целый день дрались на подступах к батарее с Южной стороны. Они пробивались к совхозу имени Софьи Перовской, но немцы ввели в бой свежий полк, и отряд почти полностью погиб, не достигнув цели. Когда с наблюдательных постов 35-й и 12-й батарей доложили, что на огневой позиции Тридцатой полно немцев, Моргунов приказал открыть по ним огонь шрапнелью. Десятки снарядов двух крупнокалиберных батарей произвели немалые опустошения. Немцы откатились с холма огневой позиции и залегли в окопах. Тут бы вырваться из-под бетона, ударить по еще не опомнившимся врагам и попытаться пробиться на Северную сторону. Потери были бы немалые, однако часть воинов, несомненно, могла прорваться. Но Александр, Соловьев и другие командиры и политработники вначале не поняли, чьи снаряды рвутся на поверхности. Радиосвязи уже не было. А без надежной связи делать вылазку на прорыв было нельзя: могли перебить свои же снаряды.

Бой за батарею продолжался еще несколько суток. Немцы в своих служебных документах отмечают, что они все время несли большие потери, что 22 июня первый батальон 173-го саперного полка вследствие больших потерь был смнен. 26 июня в районе батареи были еще видны сильные взрывы. Это фашистские саперы подрывали бро-

нированные двери. По одной из дверей немцы выпустили до пятидесяти бронебойных снарядов, в конце концов пробили ее, но вражеские саперы, ворвавшиеся внутрь, были перебиты батарейцами.

С помощью огнеметов врагам удалось проникнуть внутрь бетонного массива. И начались схватки небольших разрозненных групп. В проходах попеременно лежали трупы врагов и советских воинов, между ними ползали раненые. И уже никто не перевязывал, некоторые из них заживо сгорали в пламени фашистских огнеметов.

Лишенные воздуха, с залитыми бетоном глушителями, дизеля остановились. Пришлось перейти на аварийное аккумуляторное освещение. Механик Андриенко собрал все переносные аккумуляторные лампы и снабдил ими группы воинов, размещенные за выступами узких потерн. Как только в конце потерны в темноте появлялись немцы, их внезапно освещали ярким лучом фонаря и поливали длинной очередью из автомата или ручного пулемета.

Командир и комиссар успевали бывать всюду. В одной из башен комиссар слышал, как снаружи кто-то выстукивает точки и тире: это немцы еще раз предлагали сдаться. В прошлом связист, комиссар хорошо знал азбуку Морзе. Взяв гаечный ключ, он отстукал ответ, после которого стуки прекратились.

Александр собрал в отсеке уцелевших командиров и политработников. Было совершенно ясно, что помощи ждать уже не приходится: немцы заняли всю Северную сторону. Решено было, разбившись на небольшие отряды, попытаться ночью пробиться к партизанам. Остаться на батарее было уже нельзя: немцы начали применять не только огнеметы, но и удушливые газы.

— Батарея свою роль выполнила, — голос командира дрогнул. — Враг получил от нас все, что заслужил, и еще получит. Башни, дизеля, узел связи, центральный пост

взорвать. Все приборы разбить, уничтожить. Документы сжечь. Боевую рубку взрывать не станем — не хватает тола, но все, что в ней имеется, — разбить. Батарею привести в полную негодность, чтобы враг не мог ее восстановить. Отряды для прорыва должны быть небольшими. Так действовать удобнее. Ночью лучше прорываться по реке Бельбек. Там много густых кустов, речушка мелкая, глубокие бочаги будем обходить стороной. Если рассвет застал на открытом месте, заползайте в воронку поглубже и притворяйтесь мертвыми. С наступлением темноты — снова вперед, в горы. Там нас ждут боевые друзья партизаны, питание и боеприпасы. Все, что можно унести из ручного оружия и боеприпасов к нему, — унести. Все, что нельзя, — уничтожить. А пока до ночи будем драться в проходах, немцев внутрь не пускать, бить всем, что под руку попадется. Женщины пусть остаются в лазарете с ранеными. Оставить им воды и продуктов.

Бледный, осунувшийся Соловьев отказался идти на прорыв: «Не хочу быть обузой для товарищей. Буду драться здесь до последнего патрона. Живым не сдамся. С одной рукой и простреленной ногой я вас только связывать стану».

Комиссар был возбужден. На все требования врача полежать в лазарете отвечал отказом. У него была высокая температура, но измерять ее он упорно не давал.

Прошли еще тяжелые сутки. Все попытки немцев проникнуть внутрь батареи через проломы потерпели неудачу. Тогда они снова стали заливать горючей жидкостью из огнеметов вентиляционные отверстия. Ядовитый дым расползался по помещениям; защитники батареи надели противогазы, но и они не спасали от огня и дыма.

Озлобленные враги все лезли и лезли, не считаясь ни с какими потерями. И хотя батарея как боевой механизм уже не существовала, они словно опасались, что грозные

башни могут ожить. Фашисты стремились овладеть всеми помещениями батареи. Командир 22-й дивизии, руководивший боем, гнал все новые и новые сотни grenадер и саперов, чтобы окончательно уничтожить форт «Максим Горький № 1».

В одной из потерн при свете факелов и ручных фонарей схватились с фашистами три матроса. Дрались почти молча, слышались только короткие, отрывистые вскрики да стоны раненых. Один из матросов бил врагов тяжелым гаечным ключом, второй кромсал ножом, третий — рубился топором. Выстрелов уже почти не было: то ли мешали темнота и дым, то ли фашисты боялись попасть в своих. Немцев было во много раз больше, но матросы были сильны своей яростью, своей ненавистью к врагу. Вот почему три моряка уложили не менее двадцати фашистов. Когда гитлеровцы тащили к выходу неподвижные тела моряков, один из троих очнулся, огляделся, резким рывком выпрямился и схватил одного из мучителей за горло. Раздался хрип, фашист свалился, а матрос продолжал сжимать его горло до тех пор, пока его не убили очередью из автомата.

Фашисты позже говорили, что батарейцы «дрались даже мертвые». Дрались, разумеется, не мертвые: когда отравленных угарным газом или ядовитым дымом выносили на свежий воздух, они, приходя в себя, продолжали борьбу. Один из комендоров, уже будучи в плену, не выдержал издевательств над товарищами и, вырвав у немца автомат, убил конвоира и ранил стоявшего вблизи младшего офицера.

Старшина группы электриков Николай Кузьмин, дравшийся под бетоном до последних сил, рассказывает, как, придя на центральный командный пункт, увидел, что капитан Окунев, начальник связи Пузин, краснофлотцы Иванов и Пат лежали мертвыми: очевидно, немцы бросили сквозь амбразуру гранаты.

Кузьмин получил от Андриенко приказание уничтожить приборы центрального командного пункта. Вооружившись молотком, он разбил всю оптику и приборы связи. Когда он собирался уходить, немцы запустили в амбразуру командного поста ядовитый газ. Быстро надев противогаз, Кузьмин поднялся в потерну и побежал к башням. Волна удушливого газа медленно ползла за ним. Газы были везде. Их концентрация была такой, что не помогали даже дополнительные патроны, выданные к боевому противогазу.

С группой краснофлотцев Кузьмин попытался ночью выйти через отверстие бомбоубежища. Но немцы схватили моряков. Старшине пришлось хлебнуть немало горя в фашистских лагерях, прежде чем он сумел бежать к партизанам.

Александр решил с группой матросов сделать попытку прорваться через трубу водостока. Он простился с комиссаром, шатаясь от усталости, обошел в лазарете всех раненых, поцеловал каждого.

Но для того чтобы выбраться, надо было приложить немало усилий. Труба, засыпанная землей, была узка, работали в ней только ползком. И вот обожженные и отравленные люди ножами расковыривали землю, горстями насыпали на одеяла и вытаскивали из трубы. Наконец выход расчистили. Александр приказал сшить из одеял чулки, надеть их на обувь и бесшумно выбраться из трубы. Когда выходила вторая группа, работница хозчасти Галя Науменко, у которой от дыма, газов и сырости обострился туберкулез, не выдержала и закашлялась. Немцы, услышав кашель, запустили ракеты и открыли пальбу. Пришлось рассыпаться по винограднику на еще более мелкие группы и уходить поодиночке. Александр, переодевшийся в гражданское платье, сумел со своей группой скрыться в кустах. Моряки ушли сравнительно далеко от батареи и были уже совсем близко к партизанскому лесу, когда

враги окружили маленький отряд. После короткого неравного боя оставшиеся в живых были взяты в плен.

В одном из немецких служебных документов говорится: «24.VI командир опорного пункта выполз через водосток и на следующий день был захвачен в плен».

По словам лейтенанта Белого, тяжело контуженный Александр был в бессознательном состоянии. Очнулся он в довольно большой группе пленных.

Александера привезли в Симферопольскую тюрьму и поместили в отдельной камере. Немцы, считавшие Александра крупным специалистом по тяжелым калибрам, попытались склонить его к службе в фашистской армии. Развязный следователь из прибалтийских немцев, прилично знавший русский язык, говорил:

— Ну какой вы русский, если у вас и фамилия-то немецкая или шведская. Александр! Фюрер простит вам вред, который вы нанесли нашей армии, он уважает храбрых и умных людей. А вы именно такой, господин Александр. Фюрер присвоит вам тот же майорский чин с последующим повышением в зависимости от заслуг. Перед вами блестящая перспектива или... или смерть в лагере. Да сами же русские вас казнят, как сдавшегося в плен. Нет, господин Александр, для вас имеется только один вариант — перейти на службу великой Германии.

Следователь предложил командиру батареи папиросы, Александр медленно закурил.

— Дело не в фамилии, — сказал он. — Я — русский, мой отец был русский, дед мой — русский. Я из военной семьи. Отец воевал против вас в первую мировую войну, дед — против турок. Трое моих братьев сейчас тоже воюют против вас. Наконец, самое главное — я давал присягу Родине, народу... Да, я — коммунист, бывший комсомолец. Меня еще в школе воспитывали в духе верности воинскому долгу. Наконец, у меня жена, дети, они

проклянут меня, если я стану изменником. Нет, господин военный следователь, я никак не могу на это согласиться. А смертью вы мне не грозите. Я ее, костлявую, видел не раз. Смерть страшна трусам, а я им никогда не был. Я понесу вместе со своими товарищами тяжелый груз военнопленного, но предателем не стану.

— Советую вам хорошенько подумать, господин майор. Даем вам на размышление еще сутки. В случае положительного решения мы вас попросим выступить по радио и в офицерском лагере. А насчет тяжелого груза военнопленного... Это вы зря. Вам не придется нести этого груза при любом варианте.

А затем снова длинные ночи в сырой одиночке. Однажды, когда вели с допроса, Александр обменялся парой фраз с лейтенантом Белым. Александр любил его. Это был славный малый, еще курсантом он стажировался на Тридцатой. Синяки и кровоподтеки на его лице свидетельствовали о том, что лейтенант держится мужественно. Он находился в камере, где было около тридцати советских офицеров. Белого тоже дважды допрашивали, били, угрожали. Он сказал Александру, что в их камере все пленные держатся стойко.

Допросы с каждым днем становились короче, фашистский чиновник злее. Он уже не угощал папиросами и все чаще угрожающе кричал на пленного. Александру все реже удавалось повидать кого-нибудь из товарищей по несчастью. Лейтенанта Белого куда-то угнали.

Однажды во дворе тюрьмы Александр повстречал Андриенко, тот был тоже избит, похудел и еще больше почернел; в другой раз увидел работницу хозяйственной части Феню Решняк. Ее тоже почему-то держали в тюремном лагере. Она заплакала, увидев своего командира, и на душе у него стало немного полегче: значит, помнят его как хорошего человека.

Допросы стали реже, допрашивал уже другой следователь, офицер полевой жандармерии. Он кричал и бил пленного. При первом же разговоре с ним Александр, не вытерпев, развернулся, чтобы дать сдачи, но два унтера подскочили и вывернули руки. Александр все терпел молча, стонал только во сне.

Все чаще и чаще вспоминались близкие. Где-то теперь они? Здоровы ли ребятишки — Танюшка и Колька. С Колькой, видать по всему, уже познакомиться не придется. Каков-то он вырастет! А может быть, их уже и в живых нет: Москву усиленно бомбили, писем последние месяцы совсем не было.

Александр перебирал дни обороны и думал, что можно было драться еще лучше. Оказывается, можно! Здесь, в тюрьме, в темной одиночке яснее видны ошибки и промахи. И ему становилось обидно, что врагу не нанесли еще больший урон. Сначала строил различные планы побега. Один раз даже попытался затеряться среди пленных, но фашисты хорошо знали в лицо командира Тридцатой. Избитого и голодного, его швырнули в камеру и объявили, что скоро будет суд.

Но командира Тридцатой не судили. Его просто застрелили в камере... Санитарка батареи Дуся Резец видела, как вынесли его окровавленный труп. Об этом она сообщила запиской в общую камеру.

Так закончилась жизнь прославленного командира гвардейской Тридцатой батареи.

Где похоронен Александр, пока не установлено. Много безвестных могил разбросано вокруг лагерей военнопленных. Предатель, выдавший командира Тридцатой, получил от фашистского командования денежную награду.

Судьба комиссара батареи Соловьева сложилась иначе. Осколками фашистской гранаты ему раздробило челюсть. Врач на батарее был уже убит. Раненая медсестра, как

могла, перевязала Соловьева. Говорить он уже не мог и приказания писал на бумажке. Короткие очереди и взрывы гранат долго не умолкали в подземельях: под командованием Соловьева батареи вели последний бой. Обмотанный окровавленными бинтами, с искаленной рукой, комиссар продолжал здоровой рукой стрелять из пистолета. Силой воли этот большевик заставлял свое израненное тело повиноваться. Он с трудом двигался по подземельям, но все же руководил боем. Обессиленный, он лег в ленинском уголке на окровавленный диван. Через некоторое время механик Андриенко доложил ему, что в его подразделении осталось в строю всего несколько человек. Соловьев написал на клочке бумаги последний приказ — взорвать башни и силовую станцию. Медленно встал, обнял Андриенко, поцеловал и вручил приказание. Последние силы покидали комиссара.

Андриенко ушел. Соловьев ударил забинтованной рукой о стол и, когда на бинтах показалась свежая кровь, стал что-то писать на белой стене. Один из бойцов видел на стенке слова комиссара, обращенные к Родине. Потом Соловьев взял пистолет и, убедившись, что магазин пуст, яростно отбросил его в сторону. Тут же под столом валялся чей-то наган, покрытый кровью. Комиссар подобрал его и взвел курок. Когда раздался первый взрыв башни, комиссар поднес наган к виску. Выстрел прозвучал почти одновременно со взрывом второй башни...

С Малахова кургана и с вышки сгоревшей Панорамы наблюдатели видели, как в районе Тридцатой батареи раздалось два тяжелых взрыва, высоко взметнувшие к небу черные столбы дыма. Батареи не стало, но борьба продолжалась...

В одном из отсеков, изолированных броневой стенкой, собралось более двух десятков раненых матросов и командиров. Тут были только те, кто уже совершенно не мог драться. Кое-кто из раненых бредил в полузабытьи,

просил пить. Немцы, подойдя к стенке, потребовали открыть дверь. Раненые ответили отказом. Немцы подложили под дверь толковую шашку, но взрыв только повредил задрайку, тяжелая броневая дверь оставалась неприступной. Тогда фашистские саперы стали сверлить переборку дредноута, чтобы пустить сквозь отверстие газ. Раненые запели «Интернационал». Один из уцелевших участников этой трагедии рассказывает:

— Когда прогремели взрывы, стало удивительно тихо, слышно лишь, как фашисты обстукивают стенки, отыскивая вход в помещения. И вдруг в тишине раздался «Интернационал». Немцы даже прекратили стучать, пока мы пели. Затем раздалось шипение газа. Мы надели противогазы. Раненые, бывшие в бессознательном состоянии, срывали маску и, вдохнув ядовитого дыма, замолкали. Много лет прошло с тех пор, но, когда я слышу звуки «Интернационала», в памяти всегда встают отсек с ранеными и звуки гимна, сливающиеся со стонами умирающих...

Летом 1943 года саперное управление фашистской армии выпустило книгу о севастопольских укреплениях и об их штурме. В ней довольно подробно описан штурм Тридцатой батареи, даны снимки взорванных башен и чертежи подземных сооружений батареи. Книга — с грифом «только для служебного пользования», и в ней есть интересные признания. О «газах» упоминается в книге всего один раз, о «дыме» — чаще, но нигде не говорится, что это за дым. Те немногие воины, которые попали в плен и вернулись оттуда, говорят, что фашисты применяли ядовитые дымы. Вот что сообщают немцы в своей книге, изданной только для офицерского состава в целях изучения опыта войны:

«Большая часть гарнизона погибла от взрывов или задохнулась в дыму. Скопление легковоспламеняющихся ма-

териалов в ходах сообщения форта способствовало распространению пожаров».

Никакого скопления легковоспламеняющихся материалов в этих бетонных ходах сообщения не было. «Легковоспламеняющимися материалами» были шланги фашистских огнеметов и ядовитые дымовые шашки. Гитлеровцы поставили в проходах сильные вентиляторы, которые нагнетали удушливые газы внутрь бетонного блока. Они так и пишут: «В некоторые хорошо защищенные помещения газ не проник до конца обороны». После освобождения Севастополя советские воины в развалинах взорванной батареи обнаружили несколько скелетов в противогазах.

В этой книге о Севастополе враги признают высокое качество советского бетона. Несмотря на сравнительно тонкий слой бетонных перекрытий, ни одна бомба, ни один снаряд, включая и снаряды 800-мм «Доры», не пробил бетона, хотя и были прямые попадания. Чудесной крепью была и арматура. Немцы вынуждены признать, что «разрывы сверхтяжелых снарядов не оказывали никакого влияния на людей, находившихся под бетоном». Хорошее признание!

Очень важно и еще одно признание врагов:

«Стремление к упорной обороне блокированного со всех сторон гарнизона, находившегося под влиянием политработников, подкреплялось уверенностью в силе сопротивления батареи».

«Находившегося под влиянием политработников», то есть под влиянием идей Коммунистической партии, представителями которой были и являются в Армии и Флоте политработники. Так враг, сам того не подозревая, вынужден был признать силу вдохновляющих идей партии, значение политической работы. А это для нас очень важно.

Так закончился подвиг гарнизона героической Тридцатой батареи. Очень немногие ее защитники попали в плен.

Это были главным образом раненые, обожженные или контуженные. Часть из них вскоре умерла в лагерном госпитале без медицинского ухода и питания. Некоторым защитникам батареи пришлось испить полную чашу мучарств и страданий в гитлеровских лагерях и застенках. Далеко не все угнанные в Германию вернулись обратно. Но кое-кто все же уцелел и вернулся на родину.

Рассказы защитников батареи, оставшихся в живых, к сожалению, не дают исчерпывающих сведений о героической обороне в последние дни борьбы. Неизвестно, кто из них жив и где находится. Со временем они, конечно, будут обнаружены и их свидетельства помогут восстановить полную картину героических дел.

15. ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ОБ ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Немцы в ряде своих документов, предназначенных не для широкой печати, признают, что сопротивление форта «Максим Горький № 1» весьма существенно влияло на всю восьмимесячную борьбу за Севастополь. Немцы тут не преувеличивают. Батарея стояла на левом фланге нашего оборонительного района. Можно без преувеличения сказать, что в первые дни ноября от огня батареи во многом зависела судьба Северной стороны города. Батарея своим метким сокрушительным огнем остановила наступление врага на широком участке фронта. Во время второго наступления на Севастополь батарея не только перемалывала живую силу и технику противника, она также сковывала значительную часть войск, мешая использованию их на главных направлениях. В подвигах воинов Тридцатой, как в зеркале, отразилось величие всей обороны Севастополя. И этот подвиг не могли умалить даже враги.

Очень интересно сейчас, восемнадцать лет спустя, посмотреть, что писала иностранная периодическая печать об обороне Севастополя. В ней много интересных оценок; нередко совершенно правильно отражающих существо дела. Даже турецкая печать, настроенная пренебрежительно, не могла скрыть от своих читателей величия подвига севастопольцев.

«Коммунистический режим может иметь хорошие и плохие стороны, но нельзя отрицать, что он воспитал такую молодежь, которая, оказывая всестороннее жестокое сопротивление во много раз превосходящему по силам противнику, способна была показать чудеса», — писала турецкая газета «Тан» 3 июля 1942 года.

Еще более выразительную оценку дала обороне Севастополя другая буржуазная газета Турции «Ени сабах» 3 июля 1942 года. Комментируя сообщение фашистской ставки, эта газета писала:

«Надо удивляться не тому, что Севастополь пал, а тому, что он способен был в течение восьми месяцев сопротивляться блокаде и нанести такое поражение германской армии. Успех Роммеля в Северной Африке не может свидетельствовать о силе и способностях немецкой армии, ибо невозможно сравнивать русский и египетский фронты».

7 июля 1942 года, выступая в радиопередаче станции «Эхо Германии», полковник гитлеровской армии Колбиз заявил, что под Севастополем немцы «столкнулись с таким сопротивлением, какого еще не встречали на всем протяжении войны».

Совершенно естественно, что пресса союзных с нами государств давала еще более высокую оценку действиям севастопольцев. Английская газета «Дейли геральд» 4 июля 1942 года писала: «Севастополь — это имя, которое останется навсегда в сердцах свободных людей... Что

бы ни случилось, советские войска заслуживают право на благодарность цивилизованного мира».

«Севастополь — это символ победы, — писала австралийская газета «Дейли телеграф». Эпопея Севастополя будет навеки запечатлена на страницах русской военной истории».

«Героизм севастопольцев вызвал восхищение всего мира», — писала шведская газета «Гетеборгс хандельстиднинг» 2 июля 1942 года.

Для большинства буржуазных политических и военных деятелей, публицистов и обозревателей такой героизм и упорство были совершенно непонятны. Поэтому не случайно газета «Вест Лондон обсервер» еще 12 декабря 1941 года писала: «Блестящее сопротивление, оказанное русскими, должно быть сильным ударом не только для военных специалистов Германии, но и для других стран... Мы были удивлены русским сопротивлением потому, что мы не знали фактов, так как в течение последних двадцати лет пресса нашей страны давала ложные представления о России. Не было популярным говорить правду о прогрессе коммунизма».

Героизм севастопольцев во многом поломал фашистские планы летнего наступления в 1942 году. Одиннадцать дивизий, скованных под Севастополем, предназначались для летнего наступления. Но в результате огромных потерь, понесенных на подступах к городу, армия Манштейна после пополнения людьми и техникой смогла перейти к активным действиям только глубокой осенью 1942 года. Борьба под Севастополем обошлась фашистам в триста тысяч человек. Заняв развалины города, они не нашли там ни жилья для своего гарнизона, ни базы для ремонта судов и размещения складов. Гитлеровская пропаганда много шумела о победе, был введен специальный нагрудный знак за взятие города. Многие тысячи солдат и офи-

церов получили кресты и медали, но еще больше немцев осталось в земле.

Более ста лет назад декабрист Михаил Бестужев писал о первой обороне Севастополя в 1854—1855 гг.: «Севастополь пал, но пал с такой славой, что каждый русский, в особенности каждый моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед». С полным основанием эти слова можно отнести и ко второй обороне, которая еще ярче продемонстрировала величие советского человека.

16. ПАМЯТЬ О НИХ НИКОГДА НЕ УМРЕТ

На комсомольском собрании N-ской части 4 декабря 1954 года было вынесено решение — собрать средства и своими силами построить памятник героическим защитникам Тридцатой батарее. Командование поддержало инициативу комсомольцев и распорядилось выделить для работ автомашину и необходимый инструмент. Комсомольцы собрали некоторую сумму денег и начали работы. Они сами ломали и тесали камни, готовили фундамент и цоколь памятника. Они же проложили к нему дорожки, насадили деревья, разбили клумбы и газоны.

30 июля 1956 года состоялось открытие памятника. На открытие прибыли представители украинской молодежи во главе с секретарем ЦК ЛКСМУ, представители трудящихся Севастополя, делегации кораблей и частей, члены семей погибших воинов.

Член Военного совета флота вице-адмирал Кулаков осторожно снял покрывало и открыл скромный памятник. На пьедестале из белого иккерманского известняка стоял матрос с гранатой в руке. На медной доске выбиты слова:

Слава вам, храбрые, слава, бессмертные,
Вечную славу поет вам народ.
Доблестно жившие, смерть сокрушившие,
Память о вас никогда не умрет.

Чуть пониже слова из телеграммы Верховного Главного командования: «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа».

А с другой стороны еще одна надпись: «Здесь покоится прах героев обороны Севастополя 1941—1942 гг., воинов славной гвардейской Тридцатой батареи, военного комиссара батареи старшего политрука Соловьева, помощника командира батареи капитана Окунева, начальника связи батареи старшего лейтенанта Пузина, младшего инженер-механика батареи военного техника 1 ранга Рева, матроса Иванова, матроса Пат и других защитников города русской славы».

Пройдут века, но человечество, навсегда избавленное от войн, всегда будет помнить о тех войнах-героях, которые в борьбе за мирную жизнь на земле отдали свои жизни.

Свежая зелень покрыла холмы, окружающие Тридцатую. Еще видны следы окопов, где насмерть стояли роты Окунева, Поля, Теличко. Там вдали, на синеющих холмах, располагались корпосты Адамова, Белого, Репкова, Кравченко, Пустовалова. Вон по тому крутому спуску скатился в густой виноградник Иван Подорожный со своими бойцами и, отбиваясь гранатами, вышел из окружения. А вон там внизу, у реки Бельбек, вырвался из-под бетона майор Александр с небольшой группой воинов и работников хозяйства батареи.

К югу, за пологими буграми, шумит красавец Севастополь, город-герой, восставший из руин. Там на рейде стоят боевые корабли. В голубом небе чертят свои спирали реактивные самолеты. И море все такое же зелено-

Памятник на могиле воинов Тридцатой
батареи.

вато-синее. На небольшой волне идут кильватерным строем курсантские баркасы, распустив паруса «бабочкой».

Память воскрешает стихи Василия Ивановича Лебедева-Кумача:

Израженный, но величавый,
Войдешь ты в летопись веков —
Бессмертный город нашей славы,
Святыня русских моряков.

17. ПУТИ-ДОРОГИ

Разошлись пути-дороги тех немногих защитников батареи, кто остался в живых. Одни из них остались в строю и продолжают укреплять оборону нашего государства, другие — работают на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, обучают ребят в школах. Лейтенанты стали полковниками, выросли, возмужали их дети.

Вот вошел в комнату здоровенный дядя в добротном пальто, с тугим портфелем в руке и басовито доложил:

— Товарищ генерал, подполковник запаса Подорожный прибыл по вашему приказу... извините, по вашей просьбе!..

Вначале я не узнал Ивана Трофимовича. Помню, на батарее он всегда выглядел здоровяком, но теперь располнел. Сразу же пошли воспоминания. После прорыва из окружения Подорожный воевал еще десять дней, получил тяжелое ранение и был вывезен на «Большую землю». Лечился, опять воевал, еще раз его ранили, выздоровел и, как только изгнали фашистов из Севастополя, снова вернулся туда. Первое, что сделал, — побывал на Тридцатой батарее. Страшную картину увидел он: башни были взорваны, под бетоном сохранились скелеты: немцы боялись туда ходить и не убирали трупов. Саперы и моряки осторожно расчищали территорию батареи, подрывали неразорвавшиеся снаряды, хоронили высохшие трупы.

— Ну, а потом захворал, сердце стало пошаливать, осмотрели меня доктора и предложили уйти в запас, — рассказывает Подорожный. — Попытался сопротивляться, но где тут, сами знаете, если эскулапы взялись, то уж они допекут. Пенсия у меня полная «на всю катушку». Приехал в Одессу, год терпел безделье, а потом не выдержал и пошел на завод имени Петра Старостина. Тут меня приняли хорошо и вскоре сделали помощником директора. В качестве одного я прибыл в командировку в Мо-

скую. Сыновей своих воспитал и поставил на правильный путь. Оба офицеры флота — подводники. Хорошие ребята, краснеть за них не приходится...

Командир второй башни лейтенант Вячеслав Поль во время одной из контратак был тяжело ранен в руку. Пришлось ее отнять и заменить протезом. Но с военной службы не ушел. Сейчас — полковник, преподает в учебном заведении.

Лейтенант Адамов после тяжелого ранения больше года лежал в госпиталях. «Думал, что совсем отдам концы, — говорит он, — но спасибо врачам — выходили». Еще во время войны Адамов был демобилизован по инвалидности и снят с учета. Но подлечился и пошел работать на завод. Сейчас он старший инженер на одном из московских предприятий. У него хорошая семья — жена, дети.

Механик Иван Васильевич Андриенко дрался до последних сил. Отравленного газами, враги пленили его. Суровый путь прошел механик в фашистских лагерях. После возвращения из плена он был демобилизован и уехал работать в город Энгельс. Сейчас он воспитывает молодежь в городской организации ДОСААФа.

Командир центрального поста лейтенант Лев Григорьевич Репков был ранен и после лечения переведен коррективщиком на 35-ю батарею. Оттуда ушел одним из последних после того, как Севастополь был оставлен нашими войсками. Он прошел обычный путь советского офицера, стал полковником артиллерии и продолжает служить в рядах флота. В грузном широколицем седеющем полковнике трудно узнать лейтенанта Репкова. Но глаза по-прежнему молоды, блестят задором. Лев Григорьевич работал в Москве, в одном из центральных управлений, недавно попросился обратно в Севастополь.

— Тянет туда, а почему — объяснить трудно, — говорит Репков.

Лейтенант Белый был недолго в составе гарнизона Тридцатой, но за это время показал себя как смелый и опытный корректировщик. Позже он стал командиром одной из батарей, где получил тяжелое ранение, и не мог быть эвакуирован из Севастополя.

Тяжело раненный лейтенант Олег Павлович Белый попал в плен и прошел тяжелый путь борьбы. Вернувшись из фашистской неволи, он продолжал сражаться в рядах Советской Армии до конца войны. Позже был демобилизован и сейчас работает преподавателем в одной из средних школ Днепропетровска.

Коля Александер, родившийся в метро «Курская» в октябре 1941 года, мечтает после окончания школы попасть в военно-морское училище. Увлекается Коля еще и биологией.

— Если не смогу пойти по пути папы, обязательно стану биологом, — говорит юноша.

Студентка пятого курса Высшего Технического училища имени Баумана Татьяна Александер не помнит отца: ей было в начале войны три года. Она помнит, что мать много плакала и все ожидала его возвращения. До семьи доходили лишь случайные отрывочные сведения о судьбе Александера. Таня готовится работать в оборонной промышленности, учится она только на «хорошо» и «отлично». Товарищи уважают ее за скромность и трудолюбие.

Жена и сын комиссара батареи Ермила Соловьева живут в Одессе. Сын поет в хоре оперного театра, очень хочет поступить в консерваторию.

Старшина центрального поста Николай Кузьмин после побега из плена партизанил на Украине, а после соединения с войсками Советской Армии воевал в регулярных частях. Кузьмин дошел со своей частью до Берлина и тут был тяжело ранен. Сейчас он работает старшим мастером в одной из мастерских Севастополя.

Иван Сергеевич Лысенко, один из старейших воинов батареи, служил на ней с самого ее основания. Будучи старшиной башни, он последнее время успешно командовал башней. В настоящее время работает в сельскохозяйственном техникуме города Красногоровки, Сталинской области.

Полковник Емельян Петрович Донец, первый командир Тридцатой батареи, погиб, взрывая склад боеприпасов в Сухарной балке. Это был суровый и простой человек. Он мог бы спастись, уйти от наседавших немцев, но остался, чтобы выполнить приказ командования — взорвать склады. Донец понимал, что ему угрожает смерть, но не мог поступить иначе.

Инженер-полковник Андрей Андреевич Алексеев живет в Севастополе. Он ушел в отставку, персональный пенсионер. Под его руководством в Севастополе восстановлены десятки различных орудий. «Когда-либо напишу и я свои воспоминания», — грозит старый артиллерист.

Прославленный мастер-артиллерист Семен Иванович Прокуда погиб в последние дни боев за Севастополь.

Начальник медико-санитарной службы батареи Саул Маркович Мармерштейн в январе 1942 года был повышен в должности — стал старшим врачом береговой обороны флота. Второго июля 1942 года был эвакуирован из осажденного города и продолжает служить в рядах медиков Военно-Морского Флота.

Искусный маскировщик батареи старшина 2-й статьи Магомедов сейчас инженер на одной из киевских строек.

Работница хозчасти батареи Феня Решняк после многих мытарств и скитаний вернулась в родной город и работает на Северной стороне Севастополя в одном из бытовых предприятий флота.

В декабре 1958 года полковник Пташников от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил удостоверение и медаль «За оборону Севастополя» бывшей прачке

батареи Феодосии Ивановне Ивановой. Бывает иногда в жизни и такое: человека, активно оборонявшего Севастополь, «забыли» в свое время наградить. Сейчас ошибка исправлена. Ф. И. Иванова работает поваром на морском буксире.

Генерал-лейтенант артиллерии Петр Алексеевич Моргунов заболел и ушел в запас. Комиссар береговой обороны полковник К. С. Вершинин тоже вынужден был по болезни уйти из флота. В запасе находится и командир Первого гвардейского дивизиона К. В. Радовский.

Начальник политотдела береговой обороны полковой комиссар Митраков погиб в боях за Родину.

Бывший командир первой башни лейтенант Андрей Васильевич Теличко после ранения был эвакуирован на «Большую землю», выздоровел и продолжает служить в рядах флота.

Старшина Н. А. Поляков после войны демобилизовался и остался работать в Севастополе.

...Разошлись пути-дороги защитников батареи. Но все они с интересом узнают о своих боевых друзьях-товарищах, об их дальнейшей судьбе. Может быть, эта книга поможет найти еще кого-нибудь из батарейцев, и их воспоминания воскресят те подвиги, которые совершили советские люди на холмах у реки Бельбек.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Рождение батареи	5
2. Восемь лет спустя	11
3. В стороне от войны	18
4. По врагу — огонь	30
5. На корректировочных постах	35
6. Политработа была гибкой и целеустремленной	50
7. В тяжелые дни второго штурма	59
8. Дрались коки и хлебопеки...	72
9. Лазарет батареи	76
10. Смекалка и героизм	80
11. Перед третьим штурмом	89
12. Мортиры «Карл» и пушка «Дора»	97
13. Накануне последнего боя	105
14. В блокаде	111
15. Дружья и враги об обороне Севастополя	132
16. Память о них никогда не умрет	135
17. Пути-дороги	138

Мусяков Павел Ильич
ПОДВИГ ТРИДЦАТОЙ БАТАРЕИ

Редактор *Ильинская Е. А.*
Художественный редактор *Клюева В. Н.*
Художник *Лыков В. М.*

Технический редактор *Евдокимова Е. С.*   Корректор *Чебыкина Э. А.*

Сдано в набор 28.02.59 г.   Подписано к печати 25.5.59 г.

Формат бумаги 70×108¹/₃₂ — 4¹/₂ печ. л. = 6,165 усл. печ. л. 6,252 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 1/1329.

Г-50413.

Зак. 141.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 2 р. 90 к.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу: Москва, Б-140, Нижняя Красносельская, 4, Управление Военного Издательства.

Цена 2 р. 90 к.

